Зеленский

От февраля к Октябрю

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

М. Зеленский
А. Яблоков

От Февраля к Октябрю

Партийное издательство

Москва—Иваново—1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. Зеленский. А. Яблоков

От Февраля — к Октябрю

Очерк классовой борьбы в 1917 году в ИПО

Партийное издательство

Москва – Иваново – 1932

Оглавление

Типолитография „Красный Октябрь" Иваполиграфтреста. Иваново-Вознесенск.

Предисловие

В итоге пятнадцатилетия пролетарской диктатуры рабочий класс Советского союза, руководимый ленинской коммунистической партией, достиг величайших успехов на всех фронтах социалистического строительства.

Успешное выполнение первой пятилетки в четыре года, идущее под знаком индустриализации страны, социалистического переустройства сельского хозяйства и выкорчевывания корней капитализма, обеспечило бурное развитие производительных сил Советского союза, создало мощную материальную базу дальнейшего победосного движения вперед во второй пятилетке, основной политической задачей которой является «полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». (Из решений 17 партконференции).

Для того, чтобы правильно понять те грандиозные задачи, которые стоят перед нами сегодня, которые будут стоять перед нами и завтра, «нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, к истории вчерашнего дня». (Каганович).

Неправильное понимание истории прошлого привело авторов четырехтомника истории ВКП(б) под редакцией Ярославского к искажению роли пролетариата в 1917 г., троцкистской клевете на партию и антиленинской оценке характера Октябрьской революции.

Приступая к работе по составлению предлагаемого вниманию читателей очерка классовой борьбы в 1917 г. в Ивановской промышленности области, авторы ставили себе задачей, на ряду с показом на конкретных исторических фактах той героической борьбы рабочего класса и большевиков за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, — показать и всю вздорность утверждений меньшевистско-троцкистских фальсификаторов истории, разоблаченных тов. Сталиным в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» и затем нашей партийной печатью.

Меньшевики, троцкисты и их «идеологические подпаски» при оценке событий 1917 г. рабочему классу и большевистской партии отводят второстепенную роль, отрицают социалистический характер Октябрьской революции, протаскивая контрабандным путем свои взгляды и в историческую литературу.

Ярким примером меньшевистско-троцкистской контрабанды являются книги А. Шляпникова «Семнадцатый год». Мы не имеем здесь возможности дать развернутую критику взглядов Шляпникова, укажем лишь, что он отрицает руководящую роль партии на всем протяжении от февраля до октября 1917 г., совершенно не понимает роли пролетариата в Февральско-мартовской революции. Основной движущей силой в революции Шляпников считает буржуазию, старательно выпячивая ее роль, указывает, что в руках буржуазии находилось «организующее начало провинциальных переворотов».

Конкретные факты хода революционных событий в период 1917 года в Ивановской области показывают всю вздорность оценки Февральско-мартовской революции, даваемой Шляпниковым. В предлагаемой брошюре читатель легко может проследить, что во главе революции все время шел пролетариат, руководимый большевиками, что «организующее начало провинциальных переворотов» находилось не у буржуазии, а как раз наоборот — у пролетариата, который к революции готовился еще задолго до февральско-мартовских дней.

В тесной связи с меньшевистской оценкой роли рабочего класса и партии в Февральско-мартовской революции находится неправильная оценка Шляпниковым и роли советов, оппортунизм и прямое предательство интересов пролетерской революции в Октябрьские дни. Дальнейшие события показали, что Шляпников, оставшись в рядах большевистской партии, не прекратил с ней борьбу, в 1920 г. он возглавил так называемую «рабочую оппозицию» а затем блокировался с троцкистами, не разделавшись со своими взглядами и до сих пор. Непонимание социалистического характера Октябрьской революции неизбежно ведет в лагерь меньшевиков, троцкистов — врагов нашей партии. Зиновьев и Каменев, штрейкбрехерски выступавшие в Октябрьские дни против Ленина и партии, не случайно потом оказались в рядах троцкистской оппозиции и наконец пособниками явных врагов пролетарской диктатуры — контрреволюционной группы Рютина, Галкина, Иванова и др. ЦКК исключила их всех из партии «как разложившихся, ставших врагами коммунизма и советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманным флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную, кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и в частности кулачества».

С предателями социализма, с пособниками мировой буржуазии, с людьми, перешедшими в лагерь контрреволюции, партия не собирается спорить, а ведет борьбу, как с открытыми врагами диктатуры пролетариата.

I. Перед Февралем

По определению В. И. Ленина, Февральская революция была первой революцией, порожденной империалистической войной. Разумеется, что основные причины революции, ее корни, следует рассматривать не только в этом, а в первую очередь, во всем ходе политического и экономического развития царской России и героической борьбы пролетариата против помещичьей николаевской монархии в революцию 1905—1907 гг. «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907 — 1914 гг.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности». (Ленин, т. XX, стр. 14). Империалистическая война, еще более обнаружив гнилую сущность царского строя, явилась «великим режиссером» разыгравшейся революционной драмы, она «с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии». (Ленин).

Это ленинское положение находит себе яркое отражение в конкретных фактах рабочего движения и в Ивановской области в годы, предшествовавшие Февральской революции. Правда, в самом начале империалистической войны рабочее движение не носит широкого размаха: в 1914 г. по всей области можно насчитать не более двух десятков стачек с незначительным числом участников, но 1915-й и 1916-й годы являются годами небывалого после 1905 — 1906 гг. революционного подъема; в эти годы было около 250 стачек, в которых участвовало до 300 тысяч рабочих.

Империалистическая война, больно ударив по всему хозяйству страны, отразилась в первую очередь на рабочих и крестьянах. Эти классы должны были, кроме поставки живого человеческого состава, нести на себе и экономические тяготы, не замедлившие сказаться в самом начале войны. Уже в декабре 1914 г. сказывается недостаток продовольственных продуктов, наблюдается рост цен, при низкой заработной плате.

За годы 1914 — 1916 цены на основные продукты возросли в два с половиной — три раза, приняв к началу 1917 г. колоссальные размеры, а заработная плата в бумажных рублях не увеличилась и в два раза. Разрыв между заработной платой и ценами на предметы широкого потребления фактически в значительной мере увеличивался вследствие начавшейся с 1915 г. спекуляции. Спекуляция к началу 1917 г. настолько обострилась, что даже реакционный «Ивановский листок» — газета, которую никак нельзя было «обвинить» в заботах о рабочих нуждах — вынужден был «сигнализировать». Цены на предметы первой необходимости, особенно на хлеб и муку, возрастали буквально в десятки раз.

Неудивительно поэтому, что первой непосредственной причиной роста рабочего движения в годы империалистической войны явилось непрерывное ухудшение экономического положения пролетариата, тем более, что гайка эксплоатации рабочих со стороны капиталистов-фабрикантов закручивалась все крепче и крепче. Но было бы совершенно неправильным считать, что это движение ограничивается экономическими лозунгами. Характерным для большинства стачек этого периода и является именно факт перерастания экономических требований в требования политические. В июле месяце 1915 г. полицейский надзиратель местечка Ямы — центра рабочего населения Иваново-Вознесенска — в донесении полицеймейстеру так характеризует настроение рабочих: «Среди населения стали циркулировать упорные слухи о том, что в самом недалеком будущем фабричные рабочие города Иваново-Вознесенска объявят забастовку первоначально на почве экономических требований, а затем, при удаче такой забастовки, будут предъявлять и требования политического характера, т.-е. о прекращении войны и изменении государственного строя».

Надо отдать справедливость гг. полицейским, — они имели основания опасаться политических выступлений рабочего класса и довольно добросовестно, как достойные сторожевые псы николаевской монархии, служили своим хозяевам, сигнализируя о настроениях рабочих, что нередко давало возможность полиции уничтожать движение в зародыше, а если не удавалось, то подготовлялась «кровавая бойня». Примеры этого еще свежи в памяти многих костромских и ивановских пролетариев. 5 июня 1915 г. была расстреляна политическая рабочая демонстрация в Костроме — на Запрудне, а 10 августа — в Иваново-Вознесенске.

Эти выступления носили резко выраженный политический характер и проходили под лозунгом «Долой империалистическую войну». Подкапываясь, таким образом, под самый корень буржуазно-помещичьей политики, пролетариат бросал прямой вызов буржуазии, девизом которой было «Война до победного конца». А на этом фоне становится вполне понятным и тот факт, что вдохновителями расстрела были костромские и ивановские фабриканты. Зверская расправа с демонстрантами заставила рабочих отступить, с тем чтобы через некоторое время еще организованнее, еще ожесточеннее драться в классовых битвах против буржуазии.

В конце 1915 г. в промышленных центрах области опять вспыхивают стачки, волна забастовочного движения не только не прекращается в 1916 г., а поднимается выше и выше. Положение обостряется к концу 1916 и началу 1917 гг., когда стачечное движение достигает кульминационного пункта своего развития, при чем на некоторых фабриках забастовки отличались ярко выраженным политическим характером. В сентябре месяце 1916 г. рабочие Ярославской большой мануфактуры забастовали по поводу ареста троих рабочих и потребовали их освобождения. В конце января 1917 г. рабочие середских фабрик, на ряду с предъявлением требования о выдаче пшеничной муки, потребовали удаления с фабрик работающих членов семей нижних полицейских чинов, указывая, что члены семейств полицейских могут доводить до сведении о происходящих на фабриках различных совещаниях рабочих.

Организация и руководство борьбой рабочего класса в годы войны принадлежат большевикам. Ярким примером, показывающим руководящую роль большевиков, является демонстрация рабочих в Иванове в августе 1915 г., проходившая под большевистскими лозунгами. Полицейские ищейки, зная через провокаторов о руководящей роли большевиков в рабочем движении, направляют удар по большевистским организациям, и последние очень часто подвергаются разгрому. Такому разгрому подвергалась Иваново-Вознесенская организация в начале империалистической войны и в августе 1915 г., но к половине 1916 г. организация опять оживает. Возникают большевистские рабочие группы на некоторых фабриках и при обществе потребителей «Единение — сила». Такие же группы были в Вичуге, Родниках, Кохме и других промышленных городах и селах области. Кроме того, почти на всех фабриках были и одиночки-большевики, имевшие около себя сочувствовавшие беспартийные группы.

Факты перерастания экономических требований рабочих в требования политические, выступления под лозунгом «Долой империалистическую войну» и т. п. — все это результаты большевистской работы.

Именно большевики подготовляли рабочих к предстоящей революции, внося элементы организованности в стачечное движение, которое, как уже выше отмечалось, к концу 1916 и началу 1917 гг. достигло небывалых размеров. Правда, говорить об абсолютной организованности стачек этого периода еще нельзя, в движении первое место занимают экономические требования, главным образом повышение заработной платы от 20 до 75%, но длительная и ожесточенная экономическая борьба с капиталом, усиливающиеся тяготы империалистической войны без надежд на ее скорое окончание, свежесть революционных традиций 1905 — 06 гг., а также память об убитых царскими палачами товарищах — этого было вполне достаточно для того, чтобы пробудить классовое сознание пролетариата до уровня его политических задач, задач гегемона в развертывании предстоящих революционных событий.

Война не только ускорила и обострила классовую борьбу про-

летариата против царизма и буржуазии, но и среди крестьянства в годы войны происходит процесс нарастания революционных настроений против существующего строя. Иначе быть не могло, так как крестьянство в годы войны, помимо гнета остатков крепостничества, должно было нести на себе и тяготы империалистической войны.

Империалистическая война больно ударила по крестьянскому хозяйству. По одной только бывшей Ярославской губернии в 1914—1916 гг. призвано в войска 133 тысячи человек. Иными словами: деревня отдала на войну в качестве «пушечного мяса» около половины трудоспособного мужского населения. Картина будет полнее, если иметь в виду, что кроме мобилизации людей производится и мобилизация лошадей, которая доходила до одной трети всего наличного состава рабочего скота.

Уже здесь можно найти объяснение факту понижения посевной площади до 35%. Дороговизна, недостаток предметов широкого потребления, бесправное положение, вместе с вышеописанными тяготами, несомненно способствовали росту политического сознания крестьянства. В деревне нарастало отрицательное отношение к войне и всему царскому строю. Правда, активных выступлений в деревне не было. Только в Ярославской губернии были зарегистрированы отдельные случаи неподчинения сельским властям, где крестьяне гнали урядников и приставов, приезжавших для суда и расправы. Факт отрицательного отношения деревни к войне зарегистрирован в особой анкете Костромской земской управы. В конце января 1917 г. начальник Владимирского жандармского управления сообщает губернатору, что «среди крестьян... заметно ожидание каких-то серьезных событий, а в среде более сознательных... возрастает противоправительственное течение». В январе же, как видно из донесения родниковского жандармского унтер-офицера, среди крестьян района отмечается повышенное настроение по поводу принудительного требования со стороны правительства доставки фуража на военные нужды. Жандармский унтер-офицер не исключал возможности «учинения беспорядков».

Как видно из этих данных, деревня готовилась к революции, но ей нужен был руководитель. Таким руководителем явился пролетариат.

Совсем в ином положении, чем пролетариат и крестьянство, находилась буржуазия. Война приносила ей миллионные прибыли. О размерах прибылей буржуазии в годы войны можно судить по доходу крупного промышленника Коновалова, бывшего министра правительства Керенского. Товарищество Коновалова, имевшее в 1912 г. 813 000 руб. прибыли, в 1915 г. имело уже 7 101 000 руб. Неудивительно поэтому, что общества фабрикантов и заводчиков, организованные во всех промышленных центрах области еще до войны, во время войны создают военно-промышленные комитеты, ассигнуя сотни тысяч рублей на расширение оборонной промышленности. Победа обещала буржуазии возврат с лихвой затраченных сумм.

Но война затянулась, — царское правительство показало полную неспособность одерживать победы. Надежды на новые рынки и проливы, которые буржуазия лелеяла в начале войны, начинают рушиться, а внутренний рынок — основная база текстильной промышленности — в годы войны значительно сузился. Из-за указанных причин и недостатка сырья и вспомогательных материалов текстильная промышленность, преобладающая в области, снизила к началу 1917 г. производительность до 48%. Это не могло не сеять недоверия к правительству среди буржуазии. Ей нужно было правительство, способное довести войну до победного конца и дать необходимые реформы, способствующие процветанию капитализма. А царизм, вместо победоносной войны, начал готовиться к сепаратному миру; вместо призыва буржуазии к власти, выгонял последних либеральствующих министров. Разочаровавшаяся в царизме буржуазия уже начинает к началу 1917 г. думать о «маленькой революции» для большой победоносной войны. Центром притяжения становится Государственная дума, куда обращают свои взоры организации буржуазии с мест. Так, Костромское земское собрание в заседании своем от 11 января 1917 г. находит, что только Государственная дума может «помочь общему горю», а 27 января председатель земской управы Зузин прямо заявил, что «путь обращения к правительству, повидимому, исчерпан и ни к чему не привел». Когда в феврале собралась Государственная дума, то ряд городских дум области послал ей приветствия, в которых выражалась надежда, что дума не прекратит работы и борьбы за создание правительства, пользующегося доверием. Таковы пожелания либералов.

Но значит ли это, что либеральная буржуазия была революционна? Отнюдь нет. Либеральная буржуазия ворчала против царизма, потому что в ходе войны разочаровалась в нем и повернулась к нему спиной, когда увидела неспособность царского правительства делать «большую войну». Революционны были пролетариат и крестьянство, интересы которых прямо противоположны интересам буржуазии. У пролетариата и крестьянства «были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию». (Сталин. «На путях к Октябрю», стр. 123).

II. В первые дни Февральско-мартовской революции

Самодержавное правительство в Петрограде пало с первых же ударов пролетариата. Сведения о свержении царизма вечером 1 марта и утром 2-го проникли почти во все города и крупные населенные пункты области.

Рабочие известие о падении царизма везде встречают восторженно и устраивают революционные политические демонстрации. Именно пролетариату принадлежала инициатива развертывания вширь революционных событий. В то время когда буржуазия спешит организовать на местах органы Временного правительства — временные исполнительные комитеты и т. п., — рабочие организуют Советы рабочих депутатов. «Эта восьмидневная революция, — писал В. И. Ленин по поводу первых дней Февральской революции,— была, если можно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия». (Ленин, т. XX, стр. 14).

Представители царской власти в области в подавляющем большинстве почти не оказывали активного сопротивления перевороту, но тем не менее в той или иной форме давали о себе знать. Председатель Суздальской уездной земской управы Шафров наотрез отказался признать власть нового правительства. Уже после получения известий о свержении царского строя, 2 марта, Владимирский губернатор Крейтон выпустил к населению обращение, в котором говорится, что «слухи (!) о перевороте не имеют ничего достоверного». И дальше губернатор призывает: «Нам нужно, сплотившись воедино, не прерывать ту ежедневную работу, которую мы несем в силу взятого на себя долга перед родиной, перед государем (!!!). ...Сдерживайте увлекающихся, сдерживайте горячих. Россия должна победить немца, а мы — неустанно делать дело, к которому каждый из нас приставлен».

Костромской губернатор оказался менее легковерным и на силу морального воздействия особенно не рассчитывал. Он тоже настоятельно рекомендует «спокойно выжидать событий, не нарушая обычного течения жизни», но перед этим предусмотрительно отдает исправникам распоряжение о высылке в Кострому всех стражников, а летучку, посвященную революционным событиям в Петрограде.

которую 1 марта выпустила местная бульварная газета «Поволжский вестник», конфискует.

Попытку активного сопротивления революции хотел оказать начальник владимирского гарнизона Гамбургцев, отдав приказ по полкам — оказывать вооруженное сопротивление революционным демонстрациям народа. Солдатам были выданы боевые патроны, а некоторым частям даже дано распоряжение занять наиболее удобные позиции для стрельбы. Несмотря на это, все войска, расквартированные во Владимире в числе 25 тысяч человек, присоединились к революционному народу.

В февральско-мартовские дни революции пролетариат нашей области, как и пролетариат Питера, шел во главе революции.

Еще 28 февраля ковровские железнодорожники узнают о перевороте, при чем это, по словам исправника в письме к губернатору, производит на них «сильное впечатление». Александровские рабочие после первых же вестей о падении царизма приветствуют это восторженными криками «ура». В Коврове 2 марта на всех предприятиях прекращается работа и организуется грандиозная демонстрация по случаю свержения самодержавия. В этот же день с раннего утра проходили рабочие демонстрации в Иванове, где местная группа РСДРП(б) организовала в ряде пунктов города митинги, направляя движение в организованное русло. На митингах выносятся постановления об организации Совета рабочих депутатов. В ночь на 3-е ведется подготовительная работа, а 3 марта собирается первое заседание Совета, который, между прочим, берет на себя инициативу организации временного комитета общественной безопасности,, добровольно уступая власть буржуазии.

Рабочие демонстрации проходят в Ярославле, Костроме, Кинешме, Шуе и других промышленных пунктах области. Везде организуются советы рабочих депутатов, а также фабрично-заводские комитеты на предприятиях.

Руководство в устройстве рабочих демонстраций, в ликвидации органов царской власти и организации советов принадлежало большевистским организациям и одиночкам-большевикам, там где они были. Деятельность таких организаций, как ивановская и ковровская, в февральские дни служит ярким показателем факта руководства со стороны большевиков массами. В Иванове группа большевиков Куваевской фабрики после получения известия о свержении царизма сразу же провела митинги на фабрике и вывела рабочих на демонстрацию. Митинг рабочих Иванова 2 марта открывался и проводился большевиками. Только фактом руководства большевиков и доверия масс большевикам можно объяснить то, что первым председателем Совета рабочих депутатов был избран большевик.

В Коврове, с получением сообщения о революционных событиях в Питере, партийный комитет организует демонстрацию и митинг. «Рабочие железнодорожных мастерских под руководством комитета выступили на улицу. Устроили демонстрацию через весь город к фабрике Треумова и к 250-му полку... Несмотря на отказ ко-

мандира полка разрешить солдатам выйти на улицу, солдаты тут же присоединились с оркестром к демонстрации. После краткого митинга у полка прошли по городу в столовую железнодорожных мастерских, где был митинг». (Воспоминания тов. Васильева).

В выборах в Совет ковровские большевики одержали победу. Председателем Совета был избран большевик тов. Барсуков. В февральские дни «наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом» (Ленин), который вел за собой солдат на уничтожение монархии.

Во всех городах области воинские части быстро присоединяются к рабочим. Таким образом, приняв во внимание, что большинство армии — это крестьяне, одетые в серые шинели, на деле осуществляется союз пролетариата и крестьянства с первых же дней революции. Свою готовность итти в революции вместе с рабочим классом армия повсеместно отмечает посылкой своих делегатов в советы рабочих депутатов; организуются советы солдатских депутатов, которые потом сливаются с рабочими советами и создаются советы рабочих и солдатских депутатов — зародыши рабочего правительства, являющиеся в период Февральско-мартовской революции органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

За городом идет и деревня. В волостях и сельских обществах вместо волостных правлений организуются революционные комитеты. Советы крестьянских депутатов создаются несколько позднее, а не одновременно с переворотом, но под влиянием города и солдат-отпускников «дух революции» охватывает и деревню. Движение уже не ограничивается организацией новой сельской власти; отчетливее становятся лозунги, основным содержанием которых является борьба за землю.

Тотчас после получения сведений о свержении царского строя в «революционный» цвет окрашивается и буржуазия. Правда, ее «революционность» проявляется лишь в деятельном участии в создании местных органов Временного правительства, с тем чтобы противопоставить их организующимся советам рабочих и солдатских депутатов, да в посылке приветственных телеграмм министру-председателю князю Львову. Это становится понятным, имея в виду, что свою подлинно революционную активность пролетариат проявлял все больше и больше. Ковровские рабочие избирают большевиков в Совет, который диктует свою волю временному гражданскому комитету. Рабочие Карабановской и Струнинской фабрик Александровского уезда взяли на себя инициативу по разоружению полиции, не доверяя это дело местным органам Временного правительства, а рабочие фабрики Баканова в селе Никологоры Вязниковского уезда вывезли на тачке мастера за то, что он взял под сомнение «прочность революции». Но несмотря на последовательную революционность пролетариата, власть в Февральско-мартовскую революцию попала в руки буржуазии. «Благодаря громадной быстроте переворота, благодаря прямой помощи англо-французских капиталистов, благодаря недостаточной сознательности всей

рабочей и народной массы в Петербурге, благодаря организованности и подготовленности русских помещиков и капиталистов, они захватили государственную власть в свои руки», — так объяснял В. И. Ленин причины перехода власти в руки буржуазии в февральско-мартовские дни революции в Петрограде. То же мы видим и на местах.

Со стороны буржуазии принимались все меры, чтобы в органах Временного правительства обеспечить себе максимальное большинство и взять руководство развертывающимися событиями в свои руки для того, чтобы обезглавить революцию. Руководители Костромского городского и земского самоуправления категорически оспаривают свое право на большинство в органах новой власти. Городской голова Шевалдышев хочет во что бы то ни стало показать себя революционером и, украсившись красной лентой, пытается произносить речи на митингах рабочих и солдат. Этот же самый «революционер» в 1913 г. встречал с хлебом-солью Николая II, в 1915 г. вдохновлял расстрел рабочих в Костроме — на Запрудне, а в 1917 — вместе с председателем земской управы Зузиным возглавлял Костромской комитет общественной безопасности.

Президиум Владимирского губернского комитета составился тоже из 3 кадетов, 1 октябриста и 1 меньшевика. В Шуе председателем избран подполковник Пестов, а секретарем — офицер местного гарнизона Колосов. Даже в Иванове в президиуме комитета представителю от Совета рабочих депутатов предоставлено было лишь одно место. Сравнительно «демократичнее» был Кинешемский комитет. Там его возглавили меньшевики из местного союза кооперативов. Все эти временные комитеты поспешили объявить себя «единственной законной властью», которую помогали им осуществлять социал-соглашатели — меньшевики и эсеры.

Местные органы Временного правительства вкупе с архибуржуазными цензовыми органами самоуправления не забывают принять предупредительные меры против размаха революционного движения масс. Правда, эти меры в первые дни революции пока не выходили из рамок морального воздействия, тем не менее они достаточно ярко характеризуют ту позицию, которую с самого начала заняла «свободолюбивая» буржуазия в Февральско-мартовской революции.

— «Не прерывайте работы на оборону государства, сохраняйте самообладание и порядок», — взывает 2 марта Ивановская городская дума, увидев перед своим зданием революционные рабочие колонны, выступавшие под руководством большевиков.

«В виду того, что спасение России и торжество нашего оружия над врагом будет всецело зависеть от спокойствия, которое проявит население в столь роковой момент, Шуйская городская дума обращается к населению с призывом к спокойствию и усиленной работе, так как всякое проявление насилия или какого-либо разлада принесет только вред родине». «К порядку, спокойствию и охране имущества» призывают Владимирский и Ярославский губернские комитеты. Костромская дума еще прямолинейнее. Она 2 марта, при-

зывая тоже к спокойствию, считает необходимым «направить все силы для обеспечения хлебом и **снарядами** армию, для чего, по ее мнению, следует «сплотиться всем без различия мнений и партий, оставив классовые распри». Ее верный слуга, «Поволжский вестник», в патетических статьях, отдавая даже дань революционно-демократической фразе, призывает не создавать эксцессов и дипломатично уверяет, что «долг каждого не разрешать плодотворную напряженность момента неорганизованным и нервным вмешательством». Картина дополняется постановлением Костромского и Ярославского комитетов общественной безопасности о том, что они в своих «Известиях» не допустят печатания материалов, «могущих вызвать междупартийную полемику».

По мнению буржуазии и ее верных помощников меньшевиков и эсеров, пролетариат и крестьянство должны были поддерживать «спокойствие и порядок, забыв классовые распри», чтобы не двигать революцию за пределы реформ; свято охранять частную собственность, ибо носителем частной собственности является буржуазия; дать как можно больше снарядов для армии, ибо буржуазия только за «маленькую революцию для большой войны»; бросить междупартийную полемику и не вливать «уксуса и желчи в сладенькую водицу революционно-демократических фраз», под прикрытием которых буржуазии всего легче обделывать свои дела и вести контрреволюционную работу.

Нет сомнения, что именно в этих целях буржуазные органы Временного правительства не только не стремятся покончить с обломками царского самодержавия, а способствуют сохранению аппарата царской власти. Ивановский комитет общественной безопасности 11 марта выносит решение об оставлении в сыскном отделении старых служащих. В Кинешме обязанности комиссара Временного правительства возлагаются на местного помещика Куломзина. Ярославский комитет на пост губернатора назначает градоначальника Черносвитова, а полицейским разрешает устроить собрание, где они обсуждают свое экономическое и правовое положение и требуют от новой власти различного рода компенсаций. Во Владимире губернатором назначен председатель казенной палаты, который рассылал по местным учреждениям циркуляры о том, чтобы не верили газетам, печатающим о перемене строя. В Костроме 4 марта, т.-е. тогда, когда организовался объединенный революционный комитет, «Поволжскому вестнику» воспрещается печатать манифест об отречении Николая II. Вторая телеграмма задерживается почтмейстером «по приказанию кого-то из комитета». Бюллетень с сообщением об отречении царя конфискуется. Везде комитеты через несколько дней освобождают из-под ареста всех виднейших представителей царской монархии, арестованных в первые дни после свержения по требованию широких революционных масс. В Костроме губернатора даже не решились держать в городской тюрьме, а подвергнули «домашнему аресту» на несколько дней.

Когда представитель от солдат ивановского гарнизона сделал в комитете общественной безопасности заявление о положении сол-

дат, то комитет принял резолюцию, в которой считает себя «не призванным изменять существующие в России законы и уставы», хотя они выработаны еще царским правительством. Словом, «не громи устоев, не потрясай основ».

И лишь для того, чтобы не так ярко бросалась в глаза его контрреволюционная сущность, комитет просит командира полка принять меры к облегчению положения солдат в пределах существующих правил; к военному министру обращается с просьбой приступить к пересмотру устава, а солдатам рекомендует пока подчиняться существующему.

Кинешемский комитет тоже подтверждает необходимость безусловного подчинения прежней воинской дисциплине «при условии культурного отношения офицеров к солдатам».

Во всех этих случаях мы имеем дело с открытым противодействием революции со стороны буржуазии. Обломки царского режима, оставшись не у дел, спешили заявить о своей «лойяльности». Так, 5 марта в Иванове полицейские наружной городской, фабричной и Ямской полиции вынесли постановление: «выразить приветствие (?!) новому правительству с присоединением к нему всего штата Иваново-Вознесенской полиции». Заведующий шуйской казачьей конно-полицейской стражей обратился в уездный комитет с заявлением «лично за себя и по просьбе казаков о преданности новому правительству и готовности служить ему еще более ревностно и усердно, чем служили при старом правительстве».

Казачий «вождь», подавая это заявление в местный орган Временного правительства, едва ли ошибся адресом. Это тем более становится ясным после того, как мы на нескольких примерах уже выяснили реакционную сущность буржуазии, которая, став у власти, не побрезговала прибегать к услугам казачьей плетки. Не случайно В. И. Ленин в первые же дни Февральско-мартовской революции, указывая на контрреволюционность буржуазии, пытающейся сохранить аппарат царизма, говорил, что пролетариат «должен сорганизоваться возможно лучше, собрать свои силы, вооружиться, укрепить и развить свой союз со всеми слоями трудящейся массы в городе и в деревне, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию» (Ленин, т. XX, стр. 9).

Но для того чтобы до конца разрушить царскую монархию, пролетариат должен был повести решительную борьбу против буржуазии, которая недобитую монархию спасала, «ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую». (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 10).

III. От Февраля до июльских дней

1. Пролетариат и буржуазия в период „двоевластия"

Временное правительство, целиком отражая интересы буржуазии, не приняло ни одного законодательного акта, которым бы улучшалось положение пролетариата и крестьянства. 17 марта был опубликован Временным правительством манифест, но он представлял собой только перечень обещаний, рассчитанных на усыпление революционной бдительности рабоче-крестьянских масс.

> «Манифест нового правительства от 17 марта, — указывал В. И. Ленин, — внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас».
>
> «Новое правительство не говорит в своей программе ни слова ни о 8-часовом рабочем дне и других экономических улучшениях положения рабочих, ни о земле для крестьян, о передаче крестьянам без выкупа всех помещичьих земель, обнаруживая молчанием об этих насущных вопросах свою капиталистическую и помещичью природу». (Ленин, т. XX, стр. 11).

Деятельность местных органов Временного правительства, разумеется, не была левее деятельности центральной власти. Местная буржуазия тоже ставила ставку на то, чтобы помешать пролетариату двигать революцию дальше, а свою реакционную работу нередко прикрывала красивыми «революционными» жестами.

Ивановские фабриканты Бурылины 7 марта жертвуют в ознаменование революции 100 тысяч руб. на постройку «Народного дворца». 10 марта в заседании совета общества фабрикантов и заводчиков Ивановского района решено ассигновать 110 тысяч руб. для освобожденных политических заключенных и 50 тысяч руб. на постройку «Дворца свободы».

Но попытки буржуазии откупиться от революции деньгами или прикрыть свою реакционную работу сладенькими демократическими комплиментами благосклонно встречались лишь меньшевиками и эсерами, считавшими ее основной движущей силой в революции.

На самом же деле руководящая роль принадлежала пролетариату, который в союзе с крестьянством отнюдь не был склонен ограничить революцию маленькими реформами и уже в период от февраля до июльских дней — период так называемого мирного развития революции — боролся против реакционной буржуазии под лозунгами, далеко выходящими за пределы обычной буржуазно-демократической революции.

Борьба пролетариата против буржуазии в этот период характерна замечательным сочетанием политических и экономических лозунгов. Движение рабочего класса Ивановской области в политическом отношении идет под знаком недоверия к Временному правительству, требований прекратить империалистическую войну и под лозунгом «Вся власть советам». Экономическая борьба идет сначала по линии требований, а потом введения явочным порядком 8-часового рабочего дня и, наконец, контроля над производством. Таким образом, мы можем провести между политическими и экономическими лозунгами взаимозависимость следующего порядка: 1) Первые дни Февральско-мартовской революции. — Пролетариат, организуя советы рабочих депутатов, встал на путь недоверия к буржуазному Временному правительству и потребовал экономического улучшения положения рабочего класса. Отсюда требования о повышении заработной платы и введении 8-часового рабочего дня. А для успешности борьбы рабочий класс организуется в профсоюзы, фабзавкомы. 2) Апрель месяц. — Буржуазное Временное правительство известной нотой Милюкова союзникам разоблачает свою империалистическую сущность. Пролетариат выдвигает лозунг «Долой войну» и решительно вводит явочным порядком 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах, заставляя буржуазию силой революционного напора признать это мероприятие. 3) Май-июнь. — Пролетариат подхватывает большевистский лозунг «Вся власть советам» и введение контроля над производством.

Рабочий класс, несмотря на отчаянное сопротивление буржуазии и политику ее социал-помощников — меньшевиков и эсеров, не остановился на свержении буржуазно-помещичьих органов царского строя, а под руководством большевиков шел по пути социалистической революции.

Конечно, это — общее, схематическое изображение процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В отдельных городах и промышленных пунктах области ход событий безусловно уклонялся от этой схемы в ту или иную сторону. Но эти отклонения зависели от того, насколько в том или ином месте была сильна большевистская организация, насколько она была чиста от всяких «объединительных» тенденций и, наконец, как велико было влияние большевиков в рабочих массах. Так, в первые дни Февральско-мартовской революции рабочие некоторых ярославских фабрик выносили резолюции о поддержке Временного правительства и продолжении войны до победного конца, потому что там крепко сидели меньшевики и эсеры, а большевики только собирали силы и численно представляли небольшую группу. Позд-

нее ярославские большевики, очистившись от меньшевистских и полуменьшевистских элементов, проделали, несмотря на свою малочисленность, колоссальную работу по разоблачению меньшевиков и эсеров и завоеванию масс на сторону большевиков, а в первый период соглашательские партии пользовались влиянием не только у мелкобуржуазных обывателей Ярославля, но и на фабриках и заводах.

Другое мы видим в Иванове, где была сильнее большевистская организация, а влияние соглашательских партий незначительное. Здесь руководство с начала революции принадлежало большевикам. 11 марта на общем собрании делегатов от всех фабрик и заводов Иванова, созванном местной большевистской организацией, было вынесено требование немедленного созыва Учредительного собрания. 21 марта рабочие Куваевской фабрики вынесли резкий протест против продажной буржуазной прессы, брызгающей грязью на печатные органы пролетариата «Правду» и «Социал-демократ». 27 марта на общем собрании рабочих этой же фабрики, которое было созвано большевиками, принято постановление о необходимости немедленной организации профсоюза, а для того, чтобы он был боевой организацией всего пролетариата, он должен иметь полную согласованность в работе с действиями и тактикой большевиков. Кохомские рабочие, среди которых тоже велась работа ивановскими и местными большевиками, на митинге 25 марта выкидывают лозунг — «Всему пролетариату сплотиться под знаменем РСДРП (большевиков)», а по адресу Временного правительства заявляют:

> «Мы требуем от Временного правительства немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания. Мы приветствуем наших товарищей и присоединяем свой голос к голосу Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в его обращении к народам всего мира и требуем от Временного правительства, чтобы оно взяло на себя инициативу мирных переговоров без всяких контрибуций и аннексий, но с правом нации на самоопределение. Мы знаем состав Временного правительства и будем его поддерживать до тех пор, пока оно идет навстречу интересам трудящихся и рабочих масс и считается с постановлениями Совета».

Такие резолюции характерны для многих рабочих собраний и митингов в начальный период Февральско-мартовской революции. Это показательно в том отношении, что рабочие в начале революции, хотя частично, еще надеялись на Временное правительство, ожидая, что оно пойдет «навстречу интересам трудящихся и рабочих масс», но в то же время, имея в виду его буржуазный состав, доверяли только советам и только советы считали своими органами, открыто противопоставляя себя буржуазии, группировавшейся вокруг органов Временного правительства.

Начальный период революции главным образом и идет под знаком сплочения сил пролетариата вокруг советов, возникших, как мы уже и отмечали, рядом с органами Временного правительства.

«В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала **двоевластие»,** говорит Ленин.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством **буржуазии,** сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее **другое правительство** — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т.-е. власть опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, **не на закон,** изданный централизованной государственной властью».

Известно, что во многих советах в начале революции занимали руководящую роль меньшевики и эсеры, а этим в значительной мере определялась и тактика советов, которая сводилась к соглашениям с буржуазными органами Временного правительства, а в лучшем случае — к половинчатости. Эта половинчатость находит себе объяснение в том, что меньшевики и эсеры, по своей мелкобуржуазной природе, были неспособны на революционные действия и шли на соглашения и компромиссы с буржуазией.

Соглашательством и половинчатостью в первый период Февральско-мартовской революции особенно отличалась тактика советов в Ярославле, Костроме и Рыбинске. Здесь «мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику». (Ленин, т. XX, стр. 115). В Ярославле меньшевики и эсеры в Совете руководили почти безраздельно. Большевикам приходилось вести работу в чрезвычайно трудных условиях. Костромские большевики численностью были сильнее, но там оказались довольно сильны «объединительные» иллюзии среди части большевиков, стоящих во главе руководства. Не даром в первые же дни революции В. И. Ленин по поводу тактики большевиков писал, что «...главное теперь — не дать запутать себя в глупые «объединительные» попытки... Необходима идейная и организационная самостоятельность партии революционного пролетариата»... (Ленин, т. XX, стр. 7, 12).

Правда, в половине мая и в Костроме наметился раскол, когда в комитете РСДРП обсуждался вопрос об отношении к войне. Большинство комитета присоединилось к резолюции, вынесенной Всероссийской апрельской конференцией большевиков, но организация опять оставалась объединенческой. В дальнейшем борьба партийных большевистских масс (особенно Заволжского района) против меньшевистского влияния и объединенческих иллюзий Костромского комитета привела к тому, что в конце июля меньшевики уже сами

считали «возможным и нужным объединяться только с благоразумными (?!) большевиками, а не с «ленинцами».

Соглашательско-половинчатая тактика была в работе советов и других городов, где было сильно мелкобуржуазное влияние и большевикам не удалось сразу осуществить руководство. Но в таких рабочих центрах, как Иваново и Ковров, роль советов оказалась особенно большой. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что местные большевистские организации, будучи идейно чистыми от всякого организационно-тактического объединенчества, приобрели решающее влияние в рабочих массах (а значит и в советах), направляя движение пролетариата в организованное русло.

С момента возникновения советов в Февральско-мартовский период революции Ленин указывал на то, что только завоевание советов большевиками создаст возможность перехода власти к рабочему классу. Это относилось к столицам, а также и к местным центрам, где было особенно сильно мелкобуржуазное влияние в первые месяцы революции (например Кострома, Ярославль).

«Совершенно естественно и неизбежно, — писал Ленин, — что после наибольшего развития революционной энергии в столице, где народ и особенно рабочие принесли максимум жертв для свержения царизма, в столице, где центральная государственная власть оказалась свергнутой и наиболее централизованная власть капитала дала максимум власти капиталистам, власть советов (и власть пролетариата) оказалась слабой, задача дальнейшего развития революции оказалась трудной, переход к новому этапу революции — особенно тяжел, противодействие буржуазии всего сильнее». А вместе с этим «в ряде местных центров, особенно рабочих, роль советов оказалась особенно большой. Создалось единовластие; буржуазия разоружена полностью и сведена к полному подчинению; повышена заработная плата, сокращен рабочий день при неуменьшенном производстве; начат контроль за производством и распределением; смещены все старые власти; поощряется революционная инициатива крестьян и в вопросе о власти (смещение всех старых и создание новых властей) и в вопросе о земле». (Ленин, т. XX, стр. 235). Иваново и Ковров именно и относятся к числу таких рабочих центров, а по мере укрепления большевистского влияния на тот же путь вскоре становятся советы и таких городов, как Александров и другие. Советы здесь задолго до Октябрьской революции, а именно в первый, «мирный» период революции под руководством большевиков явились подлинными центрами, где концентрировалась революционная инициатива рабочего класса.

В то время когда пролетариат организует советы, фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, буржуазия старается противопоставить себя, проявляет враждебное отношение к рабочим организациям, стараясь укрыться под крылом буржуазного Временного правительства. 9 марта Костромская земская управа в телеграмме князю Львову выражает готовность отдать все силы для поддержки правительства. Сочувствие выражают и лесопромы-

шленники Костромского бассейна, ожидая продолжения войны до победного конца. Ярославская буржуазия организуется в союз предпринимателей. В полвине маорта состоялось организационное собрание союза, на котором директор автомобильного завода Карпов следующим образом определил задачи этой организации: «Каждый день промедления смерти подобен. Фабриканты и заводчики должны итти навстречу (?) требованиям уже сорганизовавшихся рабочих, поставить осуществление этих требований в рамки разумности. Необходимо в противовес организованной воле рабочих поставить волю фабрикантов и заводчиков». В Ярославле же предприниматели нередко увольняют членов фабрично-заводских комитетов или совершенно не считаются с ними, проявляя особенную враждебность к большевистски настроенным рабочим. Не даром уполномоченный рабочих фабрики Локалова в письме к Совету рабочих депутатов просил прислать хорошего организатора, «чтобы вытащить их из произвола и неправды».

Организованно выступает буржуазия против большевиков, разоблачавших империалистский характер войны.

14 марта костромская организация буржуазной партии «народной свободы» организует открытое собрание, где оратор Кистяковский призывал к борьбе с крайними течениями и доказывал необходимость войны до победного конца с тем, чтобы захватить проливы, без которых, по его мнению, немыслимо экономическое развитие юга России. В хвосте буржуазии плетутся меньшевики и эсеры, благодаря разлагающей работе которых советы занимают оборонческую позицию. Костромским Советом 23 марта была принята резолюция, в которой говорится о том, что войну нужно продолжать с удвоенными усилиями, ибо победа армии Вильгельма грозит восстановлением царской монархии. Такие же постановления в марте месяце принимает и меньшевистский Ярославский совет, а Рыбинский по вопросу о текущем моменте принял такое решение: «Выразить Временному правительству полное доверие. Продолжать войну до такого мира, который удовлетворил бы весь народ».

Даже Ивановский совет в марте месяце держится оборонческой тактики. 15 марта, после заявления рабочих и служащих фабрики Гарелина о том, что некоторые товарищи выступают на митингах против войны, он постановил напечатать в «Известиях революционного комитета» «опровержение от Совета рабочих и солдатских депутатов об отношении к войне». 19 марта Совет постановляет выпустить воззвание с указанием, «что пропаганда на улицах и среди солдат о ненужности войны в настоящее время не допустима». Неудивительно, что в этот период, на ряду с резолюциями, где говорится о недоверии к Временному правительству, на рабочих собраниях выносятся оборонческие постановления.

Нота Милюкова союзникам, в которой Временное правительство обязуется хранить тайные соглашения Николая Кровавого с англо-французскими капиталистами и дает обещание попрежнему вести войну до победного конца, явилась как бы переломным мо-

ментом в революционизировании пролетариата. Во второй половине апреля на фабриках и заводах проходят митинги под лозунгами против войны и «займа свободы». Рабочие Ивановского механического завода отмечают, что «Временное правительство ...оказывает услугу не только империалистам стран согласия, но и правительству Вильгельма, помогая душить развивающуюся борьбу пролетариата». Собрание высказывается против «займа свободы» и требует конфискации крупных барышей промышленников и помещиков, а также отобрания капиталов от монастырей. Вынесен протест против травли буржуазной печатью рабочих и солдат, и решено бойкотировать газеты «Русскую волю», «Русское слово», «Речь», «Биржевку», «Копейку» и другие. Рабочие протестуют также против травли Ленина и приветствуют его как неутомимого борца за дело пролетариата. 30 апреля в Иванове в цирке Никитина состоялся грандиозный митинг, организованный большевиками, на котором присутствовало свыше 5 000 рабочих и солдат. На митинге с напряженным вниманием заслушан доклад «Буржуазия и пролетариат» и ряд выступлений рабочих ораторов. В резолюции говорится:

> «Буржуазия есть класс эксплоататоров, расхищающих народный труд, рабочую силу, не щадя женщин и детей; она неспособна отказаться от грабежа и несет с каждым днем пролетариату все новые и новые разорения и гибель десятков тысяч тружеников. Война — ради грабежа, займы — ради обогащения капиталистов-тунеядцев. Мы, рабочие и работницы Иваново-Вознесенска, обнищавшие от грабежа буржуазии, протестуем самым решительным образом против продолжения грабительской войны, против займа ради наживы. Правительство буржуазии никогда не будет иметь нашего доверия... Шлем свой от чистого сердца привет нашему дорогому товарищу Ленину как выразителю наших чувств и наших стремлений». «Да здравствует дальнейшее развитие русской революции всех стран». «Да здравствует III Интернационал».

Недоверчивое отношение к Временному правительству, которое наблюдалось в первые дни революции, сменилось открытой враждебностью. Контрреволюционной буржуазии бросается прямой вызов. Рабочие сплачиваются вокруг Совета, игнорируя органы буржуазного Временного правительства. Не случайно председатель Ивановского комитета общественной безопасности на заседании в апреле заявил, «что комитет не пользуется доверием масс народа», и поставил вопрос о реорганизации комитета, имея в виду привлечь эсеров и меньшевиков через которых и влиять на массы. Однако при жиденьком состоянии первых и ублюдочности организации вторых (меньшевики как организация оформились лишь в июне) и при наличии крепкой большевистской организации, тесно связанной с массами, надежды буржуазии закрепить свое влияние потерпели крах. Совет рабочих и солдатских депутатов чем дальше, тем креп-

че начинает проводить большевистскую линию, сводя иногда на-нет органы буржуазного правительства, которые уже становятся почти бессильными перед лицом революционного напора пролетарских масс.

Протесты против империалистической политики Временного правительства выносятся в Тейкове, где Совет от имени 6 000 рабочих требует прекращения войны и опубликования тайных договоров с союзниками, заявляя, что политика меньшевиков и эсеров, возглавлявших советы, состоит в поддержке обманчивых надежд на возможность «исправить капиталистов мерами воздействия». «Только взявши при поддержке большинства народа всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами в лице советов создаст новое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно может прекратить войну»... Эта резолюция достаточно ясно говорит за то, что Тейковский совет целиком стоял на большевистских позициях.

В Костроме, Ярославле и других городах рабочие тоже резко протестуют против воинственной политики буржуазного Временного правительства. Соглашательские советы не могли противостоять революционным требованиям пролетариата, воспринимавшего с каждым днем все больше и больше большевистские лозунги, и тоже вынесли протесты против ноты Милюкова. Ярославский совет решил снять со сотраниц газеты «Труд и борьба» объявление о «займе свободы».

Костромской совет не на шутку испугался революционности и поспешил за протестом призвать рабочих и всех граждан «воздержаться от неорганизованных (?) выступлений».

В то время когда пролетариат с каждым днем все враждебнее настраивался к Временному правительству и выносил резкие протесты против его империалистической политики, буржуазия, наоборот, посылала ему приветствия, оказывая моральную поддержку в контрреволюционной работе. Костромская городская дума в телеграмме Львову выражает самое безграничное доверие. Такую же телеграмму послал союз домовладельцев. 29 апреля в Костроме состоялось закрытое собрание партии «народной свободы». Собранием послана телеграмма, в которой тоже говорится, что члены этой партии поддерживают стремления Временного правительства «довести войну до победного конца и в полном согласии с союзниками».

Торгово-промышленный союз вынес постановление содействовать распространению «займа свободы» и скорбит по поводу тревожных дней, переживаемых Временным правительством.

Во второй половине апреля в Костроме начинает выходить газета «Народная свобода».

В программной передовице партия «народной свободы» считает себя внеклассовой (?) и демократической, отстаивающей (?) общие идеи свободы права и социальной справедливости. Буржуазный передовик так умилился, что пустился в лирику и передовицу

закончил следующими стихами, призывающими господа-бога встать «во главе» революционного народа:

Господь, твори добро народу,
Благослови народный труд,
Упрочь народу правый суд,
Упрочь народную свободу.

Но эта, далеко не доброкачественная, поэзия, конечно, не могла способствовать укреплению влияния «народников» в рабочих массах. В конце мая костромские кадеты отказываются принять предложение участвовать в прениях на массовом собрании, где выступал докладчиком большевик тов. Данилов по вопросу: «Кадеты о войне и мире». В июле газета «Народная свобода» заполняет свои страницы травлей большевиков, не останавливаясь перед клеветой. Чем революционней становился рабочий класс, тем отчетливей обнаруживалась контрреволюционность буржуазии.

В протесты против политики Временного правительства во многих городах области вылились первомайские демонстрации. В Иванове на многочисленном митинге раздавались лозунги: «Долой власть капитала», «Да здравствует III Интернационал», «Хлеба, мира и свободы» и другие. В Гусь-Хрустальном, кроме большевистских ораторов, никого не хотели слушать. Под знаком протеста против империалистической войны состоялись демонстрации и митинги на фабриках и заводах области, созванные 14 мая по поводу вынесения смертного приговора австрийскому социал-демократу Фридриху Адлеру. Особенно многолюдны были демонстрации в Иванове и Костроме, где вместе с рабочими участвовал гарнизон солдат. В Нерехте демонстранты требовали немедленного окончания войны, борьбы с хозяйственной разрухой, издания закона о 8-часовом рабочем дне и т. д.

Волна враждебного отношения к Временному правительству и революционизирования охватывала все более и более широкие слои рабочих масс. Созданное коалиционное министерство, в которое вошли социалисты, не завоевало себе симпатий рабочего класса. Рабочие фабрики Морокина и Тихомирова в Кинешме по этому поводу высказали такое мнение: «...Вхождение в министерство группы социалистов... не может изменить общего характера политики Временного правительства, большею частью неразрывно связанного с классами помещиков, торгово-промышленников и другими, ведущими линию своих интересов... Только власть, идущая навстречу народным нуждам, ...должна быть нами поддерживаема... Только власть в руках советов рабочих и солдатских депутатов может и способна кончить войну на условиях свободы и независимости всех наций; только переход власти в руки советов в силах зажечь пламя народного восстания в воюющих странах и этим прекратить настоящую войну». Дальше резолюция высказывается за широко организованный самочинный захват крестьянами земель и инвентаря у помещиков, контроль над производством, издание декрета о 8-часовом рабочем дне и других экономических улучшениях положения пролетариата. В этом же духе приняты ре-

золюции и на других кинешемских фабриках. Таким образом, мы видим непрерывный процесс большевизации рабочих масс, идущий параллельно усиливающемуся влиянию большевиков в широких пролетарских слоях, при чем степень влияния в значительной мере определилась и тем, насколько быстро местные большевистские организации очищались от всякой «объединительной» скверны, там где это имело место.

В той же Кинешме влияние большевиков возрастает с тех пор, как они в мае месяце при помощи Московского областного комитета в лице тт. Ломова и Бубнова А. С. вышибли меньшевиков и взяли руководство в свои руки.

В мае, июне и июле в рабочих центрах области идет борьба за органы местного самоуправления. В первые месяцы революции цензовые думы и земские собрания «демократизировали» свой состав с таким расчетом, чтобы руководство опять-таки осталось целиком в руках буржуазии. В переизбранных думах буржуазия снова хотела оставить за собой руководство. Показательна в этом отношении Кострома. Буржуазные организации в Костроме блокируются, чтобы единым фронтом бороться против рабочих. Верный слуга буржуазии, партия «народной свободы» усиленно расхваливает себя через газету, уверяя, что она — «партия демократическая», «партия общественных преобразований», «партия внеклассовая» (?!). 11 июня публикует список своих кандидатов, в котором значится 8 человек присяжных поверенных, 14 врачей, 3 члена губернской земской управы, 6 промышленников и торговцев, 5 инженеров, 6 учителей, 20 чиновников, 4 попа, 1 сенатор и 3 чел. различных профессий. Комитет «народной свободы» призывает при выборах в думу объединиться вокруг этого списка, «чтобы не дать одержать победу реакции ни справа, ни слева, где она пойдет под флагом социал-демократического большевизма». На предвыборном собрании 21 июня эта «внеклассовая» партия посылает Керенскому телеграмму, приветствуя его «как славного вождя русской революции и вдохновителя народной армии». Не обошлось дело и без клеветы на большевиков. Газета «Народная свобода» в № 45 пишет, что «большевики не останавливаются ни перед чем, чтобы завоевать себе голоса. Широко практикуют запугивания рабочих и солдат тюрьмой на 6 месяцев за неподачу голосов за список № 1». Но результаты выборов показали, за кем идут массы. Места в Костромской думе распределились следующим образом: РСДРП — 46 мест, социалисты-революционеры — 17, «народная свобода» — 11, другие буржуазные партии — 6 мест. Характерно, что в избирательных участках, где голосовали рабочие, все голоса целиком отдавались социал-демократам. Приходится пожалеть, что костромские большевики держались объединенческой еще тактики, в результате чего руководство в думе попало в руки меньшевика Воробьева. Борьба за органы местного самоуправления не менее ожесточенно проходила и в Иванове. Но там местные большевики и Совет, опираясь на безграничную поддержку масс, не останавливаются и перед ультиматумами буржуазным органам. Значитель-

ную долю мест в органах местного самоуправления завоевывают большевики Коврова и других рабочих городов.

Уже в мае месяце в некоторых рабочих центрах большевистские организации и советы прорабатывают вопрос о «Красной гвардии», подготовляя таким образом пролетариат к захвату власти. Постановление об организации «Красной гвардии» 13 мая выносит Александровский совет, в котором к тому времени руководство перешло к большевикам, а меньшевики сложили с себя полномочия. Исполком ивановской организации РСДРП(б) 18 мая принимает по этому вопросу конкретное решение: «Выяснить, сколько большевиков состоит в милиции для того, чтобы они приняли участие в «Красной гвардии»; обратиться официально к Бубнову В. С. относительно приобретения оружия, обратиться в Москву к социал-демократам, солдатам 199 полка; предложить Калашникову стать во главе «Красной гвардии»; предложить фабричным комитетам приобретать оружие; поднять в Совете вопрос о приглашении инструктора для обучения владеть оружием».

Вторым переломным моментом революционизирования рабочих масс в первый период Февральско-мартовской революции является 18 июня — день наступления на фронте по приказу Керенского. В то время когда буржуазия спешила приветствовать наступление, посылала хвалебные телеграммы контрреволюционному Временному правительству, в рабочих массах приказ Керенского встретил бурю протеста. Почти во всех без исключения городах и рабочих центрах области проходили демонстрации, лозунги которых красноречиво говорили о том, что Временное правительство у пролетариата не пользуется никаким политическим кредитом. Демонстрация в Ярославле показала, что считавшееся абсолютным влияние меньшевиков и эсеров в рабочих массах значительно пошатнулось, и особенно в войсковых частях. Большевистская агитация и пропаганда сделали свое дело. Даже ярославские меньшевики вынуждены были публично признаться, что недовольство трудящихся объясняется большевистской агитацией. Сверх ожиданий меньшевистского Совета, именем которого была объявлена демонстрация, она явилась, по выражению ярославского большевика Петровичева, началом открытой массовой борьбы за власть советов и вылилась в протест против империалистической политики Временного правительства. В Костроме демонстрация прошла под лозунгами против войны и тайной дипломатии. Как в Ярославле, так и в Костроме вместе с рабочими в демонстрации участвовали и войсковые части. Ивановским советом было выпущено специальное воззвание с призывом поддержать революционный пролетариат и армию Петрограда. Совет указывает на начавшуюся контрреволюцию и разоблачает предательскую политику Временного правительства.

Лозунгами Ивановской демонстрации были «Вся власть советам», «Долой царскую думу и государственный совет», «Долой 10 министров-капиталистов».

2. *Борьба за 8-часовой рабочий день и контроль над производством*

Наряду с политической борьбой, пролетариат не менее ожесточенно боролся и за осуществление экономических требований, сокрушая рогатки, которые ставили в этой борьбе буржуазные органы Временного правительства и соглашательские советы.

Первые экономические требования о введении 8-часового рабочего дня и повышении заработной платы пролетариат предъявил к буржуазии уже в первые, так сказать, «медовые» дни Февральско-мартовской революции. 17 марта рабочие Ковровского чугунно-литейного завода устроили забастовку и потребовали 8-часового рабочего дня и повышеня заработной платы на 50%. Совет поддержал и вынес постановление о введении 8-часового рабочего дня на всех предприятиях. Забастовка 28 марта окончилась в пользу рабочих. Подобные требования выносятся и в Костроме, но здесь у Совета нет еще твердой позиции. 16 марта принимается решение, по которому вопрос о 8-часовом рабочем дне может быть обсужден окончательно только после предварительных переговоров с предпринимателями. По пути соглашения с предпринимателями пошел и Ярославский совет и только в крайнем случае нашел возможным устраивать забастовки. Рыбинский совет 20 марта признал «желательным» введение 8-часового рабочего дня «там, где это возможно». Кстати, на этом же заседании решил воздерживаться от распространения и выписки газеты «Правда».

Буржуазия сопротивлялась проведению каких бы то ни было экономических мероприятий на фабриках и заводах, действуя единым фронтом через союзы фабрикантов и заводчиков и другие организации, которые к тому же пользовались неограниченными симпатиями у местных органов Временного правительства. Пролетариат же в ответ на сопротивление буржуазии 8-часовой рабочий день вводит явочным порядком. В конце марта и в апреле факты введения 8-часового рабочего дня явочным порядком носят массовый характер. Это же заставляет и советы принимать более конкретные решения. Так, Костромской совет, обсуждая 26 марта этот вопрос, опять встал на точку зрения предварительных соглашений с предпринимателями, но когда рабочие завода ПЛО ввели 8-часовой рабочий день явочным порядком, когда движение рабочих в этом направлении стало принимать все более ясные очертания, Совет 28 марта выносит более решительное постановление об установлении 8-часового рабочего дня и поручает фабрично-заводским комитетам вести наблюдение за проведением его на предприятиях. На другой день, на совещании представителей фабрично-заводских комитетов, куда была приглашена и администрация фабрик и заводов, решение Совета подтверждается.

4—6 апреля состоялась первая конференция советов Иваново-Кинешемского района, созванная по инициативе Кинешемского со-

вета. Конференция вырабатывает перечень ближайших требований фабрикантам. Важнейшие из них следующие: введение 8-часового рабочего дня, 20-процентная прибавка к заработной плате с пасхи 1916 года по пасху 1917 года, принципиальная отмена сверхурочных работ и другие. Проведением в жизнь этих требований главным образом и занималось временное бюро советов, избранное на конференции. В этом же направлении идет движение рабочих в Рыбинске, Ярославле, Александрове и других городах.

Буржуазия в силу необходимости вынуждена была считаться с этим и особенно с фактом введения 8-часового рабочего дня явочным порядком. В протоколе Шуйского общества фабрикантов и заводчиков от 8 апреля записано: «На собрании обсуждался вопрос о 8-часовом рабочем дне; выяснилось, что введение 8-часового рабочего дня — вопрос только времени, почему постановлено, не дожидаясь принудительных действий, провести это изменение в исполнение». Многочисленные забастовки и выступления рабочих с категорическим требованием 8-часового рабочего дня заставляют заниматься этим вопросом Владимирский временный исполнительный комитет, который еще в конце марта под напором рабочих принимает положительное решение о 8-часовом рабочем дне.

С другой стороны, буржуазия оказывает ожесточенное сопротивление. На совместной конференции представителей предпринимателей и рабочих Иваново-Кинешемского района, состоявшейся 12 мая в Москве, фабриканты стараются протащить постановление, дискредитирующее идею о 8-часовом рабочем дне, настаивая на внесении в резолюцию пункта, в котором говорится, что введение 8-часового рабочего дня отразится в сторону уменьшения на выпуске продукции. Не достигнуто никаких соглашений и по другим пунктам. Рабочие прекратили переговоры, с тем чтобы подготовиться к наиболее широко организованному напору на фабрикантов. Поведение рабочих делегатов одобрено было на всех предприятиях. Началась подготовка к решительному удару. Этой подготовкой, по существу, и начинается организация рабочих для знаменитой октябрьской стачки иваново-кинешемских текстильщиков.

После того, как рабочими организациями стали приниматься постановления о 8-часовом рабочем дне, когда он стал вводиться явочным порядком, предприниматели под различными предлогами пытаются закрывать предприятия. Такие попытки наблюдались в Костроме, в частности на заводе ПЛО, а буржуазные газеты против 8-часового рабочего дня поднимают целую кампанию и демагогически утверждают, что рабочие не хотят работать. В дальнейшем закрытие или угрозы закрытия фабрик предприниматели практикуют довольно широко, не останавливаясь иногда перед расстройством производства, чтобы вину взвалить на рабочих. Все это диктовало необходимость и со стороны рабочих принимать контрмеры. Таким образом борьба за 8-часовой рабочий день перерастает в борьбу за контроль над производством.

Уже 16 апреля в Костроме на губернском съезде уездных комиссаров представитель рабочих потребовал вместе с установлением 8-часового рабочего дня и контроля над производством. Ивановский совет избирает специальную комиссию. В мае Ковровский совет устанавливает контроль над фабричной инспекцией. В начале мая рабочие ярославских железнодорожных мастерских настойчиво потребовали устранения бесхозяйственного начальника мастерских Тищенко и добились от губернского исполнительного комитета его ареста, избрав вместо Тищенко другого начальника мастерских. Рабочие Смоляковского завода добились реквизации предприятия, так как владелец злостно саботировал, намереваясь закрыть завод.

4-5 мая в Иванове происходила общегородская конференция фабрично-заводских комитетов, где в числе постановлений о примирительных камерах, 8-часовом рабочем дне и заработной плате принято конкретное решение и о контроле, в связи с вопросом о сырье и топливе. Фабрично-заводским комитетам предложено было исследовать все находящиеся запасы, дабы не получилось злоупотреблений со стороны хозяев. В конце мая ивановская организация РСДРП(б), занимаясь продовольственным вопросом, отмечает, что причина недостатка хлеба объясняется разбитым транспортом и отсутствием для крестьян побудительных стимулов для того, чтобы они везли хлеб в город. В связи с этим признано необходимым установить контроль над производством, вовлекая в это не менее ¾ организованных рабочих, и добиться такого положения, чтобы промышленность работала не только для военных нужд, а удовлетворяла предметами широкого потребления и рынок. 2 июня тов. Ломову-Оппокову было поручено разработать положение о контроле над производством. Состоявшаяся 10—12 июня первая сессия учредительного делегатского собрания Иваново-Кинешемского областного союза текстильщиков высказалась, что «путь к спасению от катастрофы лежит в установлении действительного контроля над производством и распределением продуктов». Когда буржуазия пытается «взять измором революционный рабочий класс» (из резолюции Ивановского совета) и провести остановку фабрик и заводов, в ответ за это Совет решает, что без его разрешения ни одна фабрика не может останавливаться, ни один рабочий без ведома Совета не может брать расчета с фабрики.

На ряде с лозунгами о прекращении войны и передаче власти советам выставляются лозунги контроля над производством и на демонстрациях, которые проходили в области в мае — июне месяцах. Таким образом требование контроля над производством приобретает массовый характер. Характер экономических требований рабочего класса находится в полном соответствии с политическими лозунгами в каждый отдельный момент борьбы в период от февраля до июльских дней. Иными словами: чем более революционизировался рабочий класс, тем настойчивее были, тем дальше шли

его экономические требования. Когда политически пролетариат открыто встал во враждебную позицию к Временному правительству и выбросил лозунг «Вся власть советам», он выставил требование контроля над производством. Это требование, рассчитанное на то, чтобы сломить экономическое сопротивление контрреволюционной буржуазии, подводило под политический лозунг «Вся власть советам» материальную базу.

3. *Армия революционизируется*

В первые дни Февральско-мартовской революции на знаменах многих солдатских полков еще красовались «революционно-патриотические» лозунги, в духе которых пропагандировали солдатскую массу меньшевики и эсеры, пользовавшиеся в первое время влиянием в армии, тем более, что к ним примыкала и значительная часть «демократизированного» офицерства.

Это обстоятельство в значительной мере определяло настроение солдатской массы в первые дни революции и в Ивановской области. На параде войскам в Костроме 6 марта лозунгами были: «Война до полной победы», «Никакой партийной розни, ибо она может погубить Россию», а начальник гарнизона на другой день особым воззванием призывает «дружной совместной работой всех воинских частей составить могучую армию». 21 марта на заседании Ивановского совета рабочих и солдатских депутатов представитель гарнизона, где было эсеровское влияние, в резолюцию об отношении к войне потребовал занести особое мнение: «Вести войну до победного конца. Условия мира заключить с общего согласия наших союзников».

Но такие настроения, разумеется, прочно в солдатской массе держаться долго не могли. Политика буржуазного Временного правительства и его опоры — меньшевиков и эсеров была очень скоро понята солдатами. Происходит непрерывный процесс дальнейшего революционизирования армии; усиливается внимание к большевистской агитации, растет авторитет большевиков. 11 марта 215-й полк, расквартированный во Владимире, выносит резкий протест по поводу освобождения губернским временным комитетом из-под ареста вицегубернатора Мясоедова. 13 марта собрание солдатских депутатов владимирского гарнизона потребовало смещения начальника гарнизона Гамбургцева и командиров полков Евсеева и Тарасова, в виду того, что они настроены контрреволюционно.

Характерно, что в солдатских низах чувствуется желание скорее окончить войну, при чем это желание с первых уже дней революции начинало осуществляться, если можно так выразиться, тоже «явочным порядком», по примеру рабочих, вводивших таким же образом 8-часовой рабочий день. Из 1 000 человек, отправленных из Шуи в Брянск в марте, на место прибыло только 300. Совет ра-

бочих и солдатских депутатов, находившийся в то время под эсеровским влиянием, спешит, конечно, обратиться к солдатам с воззванием, где указывает на недопустимость такой недисциплинированности, которая помешает победному окончанию войны. Это же явление отмечается и в Костроме. В конце марта Костромской совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вместе с комитетом общественной безопасности тоже выпускает воззвание о сохранении воинской дисциплины, в котором, между прочим, говорится, что долг солдат — «защищать родину и свободу от самой грозной опасности — Вильгельма и не покидать самовольно свои части». Здесь явно проглядывает оборонческая сущность политики меньшевиков и эсеров, которые имели в то время еще значительный вес в Костроме. Ярославские меньшевики и эсеры тоже пропагандировали «стойкость и боеспособность армии» и считали недопустимой классовую вражду между солдатами и офицерами. Офицеры же, по словам солдатского депутата в Совете, большевика Васильева, натравливали солдат на рабочих. На этой почве в начале апреля наблюдаются частые конфликты между солдатами и офицерами.

Проповедь «классового мира», которую вели меньшевистско-эсеровские агитаторы, как видно, успеха не имела, тем более, что к этому времени местные большевики во всех городах области переносили свою работу и в армию. 12 апреля ивановская организация большевиков специально рассматривала вопрос о работе в войсках и признала необходимым создать особую военную организацию, так как в гарнизоне было уже достаточное для этого число членов партии. 30 апреля по вопросу об отношении к войне и Временному правительству гарнизон принимает большевистские резолюции. Костромской совет военных депутатов под напором солдатских масс протестует против ноты Временного правительства от 18 апреля. 14 мая костормской и ярославский гарнизоны вместе с рабочими выходят на демонстрации протеста против смертного приговора Ф. Адлеру, несмотря на то, что со стороны офицерства наблюдалось противодействие. Костромской гарнизон держит непрерывную связь с рабочими фабрик и вместе с ними проводит свои полковые праздники, которые обычно выливались в массовые демонстрации. Так креп союз пролетариата и армии для предстоящих ожесточенных классовых битв против контрреволюции.

В некоторых воинских частях кроме советов не хотели признавать никаких правительственных органов. Владимирский гарнизон 30 апреля принял постановление, чтобы не отправлять маршевых рот на фронт, если не будет на это распоряжений от Московского и Петроградского советов рабочих и солдатских депутатов.

Приказом Керенского от 18 июня о наступлении на фронте Временное правительство особенно ярко показало всем свою империалистическую сущность. Но и до этого армия имела немало случаев убедиться в том, какова классовая подоплека той политики,

которую буржуазное правительство вело. 5 июня владимирский гарнизон требует прекращения войны, а 9-го приветствует кронштадтских товарищей, взявших власть в руки советов, «как истинных поборников революции и протестует против той грязи, которая изливается на их головы буржуазными газетами». Солдаты с каждым днем все больше и больше примыкают к большевистским лозунгам и к половине июня некоторые части становятся целиком большевистски настроенными. 15 июня на митинге понтонного батальона в Ярославле единогласно принимается резолюция о том, что коалиционное министерство неспособно завершить революцию в интересах пролетариата и крестьянства потому, что там 10 министров-капиталистов, которые тормозят ход развития русской революции. На этом же митинге вынесено требование перехода власти к советам и послано приветствие Ленину и большевикам. Этот факт показывает, что Ярославская большевистская организация, хотя еще и немногочисленная, но уже чистая от всяких «объединенцев», на ряду с работой на фабриках и заводах, вела работу и в воинских частях. 18 июня — в день наступления на фронте — 209-й пехотный полк целиком вышел на демонстрацию протеста с большевистскими лозунгами. К солдатам этого полка примкнули и другие части, которые раньше считались сочувствующими социалистам-революционерам. 21 июня Владимирская команда выздоравливающих разогнала митинг, устроенный в честь Керенского и наступления на фронте, а один из полков гарнизона категорически отказался подчиниться приказу об отправке его на фронт.

Реакционная политика Временного правительства и большевистская пропаганда рассеяли угар «революционного оборончества» у «добросовестно заблуждающихся» его массовых представителей.

4. Нарастание аграрной революции

По известным уже нам причинам деревня тоже не могла не встретить сочувственно революцию. Крестьянство ждало вначале и надеялось, что «новое право» принесет им значительное облегчение. Первое, на что деревня рассчитывала — это немедленное разрешение вопроса о земле. Вот почему уже при организации волостных революционных комитетов вопрос об угодьях, землепользовании и т. п. обсуждается довольно широко (Кинешемский уезд). Не что иное, как желанье основной массы крестьян скорее избавиться от кабалы помещиков и землевладельцев, сквозит и в приветственных резолюциях Временному правительству, которому вначале деревня верила, считая, что оно, не в пример царизму, действительно избавит их от помещичьей кабалы. Эту веру поддерживали кулаки и богатеи, пролезшие в революционные комитеты, а впоследствии даже и в советы крестьянских депутатов. Этому же

в значительной степени способствовали и эсеры, для которых в первые дни Февральско-мартовской революции деревня была своего рода «вотчиной». Костромская организация эсеров в половине марта находит возможным на местах «создавать комитеты, чтобы влиять на крестьянские учреждения». В Ярославле на губернском съезде крестьянских депутатов, где было эсеровское влияние, принято поистине «соломоново решение», рассчитанное на усыпление революционного настроения крестьянства. В этом постановлении говорится, что до Учредительного собрания должен сохраняться прежний порядок земельных отношений, а Временное правительство должно немедленно приступить к законодательству по земельному вопросу, но не затрагивая в корне аграрных отношений. Иными словами: новое законодательство должно не затрагивать интересы помещиков и землевладельцев. Именно по поводу подобных решений крестьянских съездов Ленин говорил на апрельской партийной конференции, что «мысль обождать с решением аграрного вопроса до Учредительного собрания — это победа **зажиточного** крестьянства, склоняющегося к кадетам». Конечно, такие решения не могли удовлетворить основную массу крестьянства, и на сходах волостей и сельских обществ принимаются резолюции с требованием передачи всей земли в народное достояние.

В Ликурской волости Буйского уезда крестьяне с самого начала встали на путь недоверия к Временному правительству. На первом же волостном сходе, собранном 10 марта для разрешения вопроса об организации новой власти, вынесено постановление с требованием скорейшего созыва Учредительного собрания, а Временное правительство решено поддерживать лишь «постольку — поскольку». В Торчинской волости Суздальского уезда на волостном митинге 5 апреля, созванном по инициативе большевиков, принята резолюция в том же духе:

> «Мы не противодействуем Временному правительству, пока оно не идет против интересов пролетариата и и крестьянства и считается с мнением советов. Требуем скорейшего созыва Учредительного собрания... Считаем необходимым провести конфеернцию всех кабинетских, удельных, монастырских, церковных и крупных частновладельческих земель и передачу их в руки трудящихся»...

На Юрьев-Польском уездном крестьянском съезде 30 апреля в числе прочих наказов делегатам на первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов дана четкая программа требований: 1) «Вся земля должна стать достоянием государства и быть передана в безвозмездное пользование только тем, кто будет ее обрабатывать личным трудом. 2) Леса должны стать собственностью государства и находиться в ведении лесоохранительных органов. 3) Церковь должна быть отделена от государства, а школа от

церкви. 4) Требовать всеобщего бесплатного обязательного обучения и преемственности школы. 5) Крестьяне должны организовать Всероссийский совет крестьянских депутатов, который должен действовать в согласия с Советом рабочих и солдатских депутатов, а не составлять отдельного крестьянского союза». Эта программа, являясь по существу законченной программой буржуазно-демократической революции, очень метко схватывает проблему союза пролетариата и крестьянства и бросает вызов как Временному правительству, так и меньшевикам и эсерам, которые, тащась в хвосте у контрреволюционной буржуазии, даже в разрешении задач буржуазно-демократической революции показали полное идейно-политическое банкротство.

Уже в марте месяце в деревне идут разговоры о самовольном захвате помещичьих земель. Крестьяне деревни Панкратцево Елюнинской волости Шуйского уезда потребовали прекращения рубки леса в даче, принадлежащей фабрикантам «впредь до выяснения вопроса о том, кому этот лес принадлежит, так как земля, по слухам, должна перейти в собственность крестьян».

Возможностью самовольного захвата крестьянами помещичьих земель был чрезвычайно обеспокоен Костромской объединенный революционный комитет, который выпускает специальное воззвание, где неизменно призывает «сохранять спокойствие и порядок, воздерживаясь от погромов (?) чужого имущества, от поджогов и порубок леса у помещиков, казны и удела»... «Только воля Учредительного собрания установит справедливые порядки и правильно разрешит земельный вопрос», говорится в воззвании. «Объединяйтесь и создавайте на местах новую народную власть, готовьтесь к выборам в Учредительное собрание. Поддерживайте армию до победы над Вильгельмом». В общем песня все та же: «Не трогай помещичье-капиталистической собственности и воюй до победного конца, а землю даст Учредительное собрание, которое неизвестно когда соберется».

Оснований беспокоиться за нерушимость помещичьей земельной собственности у буржуазных органов Временного правительства было достаточно. Крестьяне Васильевской волости Мышкинского уезда Ярославского губернии не посмотрели на угрозы комиссара, выгнали помещика из имения и разделили его землю. Меленковский уездный временный исполнительный комитет под напором крестьянского движения вынужден был вынести 4 апреля постановление о допуске бесплатной пастьбы скота в бывших удельных и казенных лесах, а Юрьев-Польский комиссар Временного правительства послал председателю совета министров Львову тревожную телеграмму: «В Юрьевском уезде неотложная нужда в постановлении о принудительной аренде пахотных земель под яровые. Промедление грозит эксцессами». «Известия Шуйского уездного комитета» 10 апреля сообщают о поступлении многочисленных просьб от крестьян о наделении их полной нормой земли.

Поступают также запросы о том, надлежит ли платить арендные деньги за право пользования земельными участками частных собственников в виду изменившегося государственного строя.

Крестьянское движение не ограничивалось только требованиями скорейшего урегулирования земельных отношений. Контрреволюционная империалистическая политика Временного правительства толкала на путь и политического недоверия к нему крестьян. Пропаганда большевиков начинает проникать и в деревню. Недоверие к Временному правительству и умеренно-либеральным речам эсеровских агитаторов растет. На Ярославском губернском съезде крестьянских депутатов 19 марта в «сладенькую водицу» эсеровских фраз о доверии Временному правительству и войне до победного конца во имя свободы неожиданно подпускается доза «уксуса и желчи»: один из делегатов прямо заявил, что для Временного правительства надо держать камень за пазухой, так как оно целиком цензовое, а другой, считая войну пережитком варварства, указал, что война народу не нужна. Правда, с такими речами выступала незначительная часть, но они выражали настроение беднейшей крестьянской массы. Это становится совершенно ясным, если иметь в виду, что состав делегатов съезда в подавляющем большинстве был из деревенских богатеев, которые еще тянули за собой колеблющееся крестьянство.

В мае и начале июня, т. е. в то время, когда шел сев яровых и приближалось время сенокоса, земельный вопрос обострялся все больше и больше. В первые два месяца после переворота случаи самовольного захвата земель можно еще было считать единичными. Аграрное движение в основном не выходило из рамок «законности»; крестьяне рассчитывали, что подавая требования и просьбы об урегулировании земельных отношений, они добьются от органов Временного правительства положительного разрешения земельного вопроса к весне. Но, как известно, расчеты не оправдались. Губернские съезды, а во многих случаях и уездные, которые проходили во второй половине апреля и в начале мая под руководством эсеров, в своих резолюциях слишком явственно расшаркивались перед буржуазным Временным правительством. Ясно, что это толкало беднейшее крестьянство на путь более решительных действий, тем более, что помещики и землевладельцы-капиталисты начали хищнически разбазаривать землю и вырубать лес, а создаваемые в некоторых губернских и уездных центрах примирительные земельные камеры в лучшем случае оказались «мертворожденными» учреждениями, а в худшем — земельные споры разрешали в пользу помещиков и других землевладельцев. Крестьяне в основной своей массе не могли, конечно, не понимать, что им «никакие свободы не помогут... пока помещики владеют десятками миллионов десятин земли». (Ленин).

8 мая в деревне Гнусовой Владимирского уезда решено отобрать от имения князя Оболенского участок земли, вклинивающ-

щийся в крестьянские наделы. Захват земли происходит в Торчинской волости, Костромского уезда. На «притеснения» со стороны крестьян особой телеграммой председателю совета министров жалуются картофеле-терочные фабриканты Меленковского и Муромского уездов. В начале июня крестьяне села Каверина Ковровского уезда постановили начать рубку леса и пастьбу скота в имении Саввы Морозова; деревня Воробьево Шишкинской волости Костромского уезда вырубает лес, принадлежащий помещику Мичурину, а Вежевское сельское общество доводит до сведения Костромского Ипатьевского монастыря о том, что ряд луговых пожней, ранее незаконно принадлежавших монастырю, переходит в распоряжение общества. Подобные примеры можно умножить.

Характерно отметить еще факты явного недовольства со стороны крестьян империалистической политикой Временного правительства. В конце мая в упоминаемой нами Торчинской волости выносится резкий протест против поставки скота в армию. Крестьяне требуют наложения налога на военную прибыль капиталистов и снятия запрета о засеве свободных помещичьих земель. В этом же духе выносится резолюция на митинге в Петрово-Городищенской волости, где пользуется успехом агитация ивановского большевика тов. Колесникова. Крестьяне этой волости в числе прочих требований потребовали ухода из Временного правительства буржуазных министерств, опубликования тайных договоров, выразили признание только власти советов, а по вопросу о «займе свободы» высказывались отрицательно.

Низы деревни вслед за городом настраивались враждебно к буржуазному Временному правительству. Революционный пример городского пролетариата и большевистская агитация создали к июлю месяцу такое положение, когда аграрная революция начала принимать все более и более отчетливые очертания.

IV. Июльские дни

На протяжении всего периода Февральско-мартовской революции Временное правительство каждым актом лишь только разоблачало свою буржуазию контрреволюционную сущность перед лицом рабочего класса и крестьянства.

Первый состав правительства, в котором были почти исключительно представители крупной буржуазии и помещиков, политически обанкротился уже в апреле месяце, в связи с известной нотой Милюкова союзникам. 6 мая образовалось так называемое коалиционное министерство, куда вошли лидеры меньшевиков и эсеров, для того чтобы своей «социалистической формой» прикрыть контрреволюционное существо Временного правительства и облегчить буржуазии обман рабоче-крестьянских масс. Но, как известно, и эта ставка оказалась битой. Политика правительства не изменилась и при участии «министров-социалистов», а враждебность к нему со стороны пролетариата и крестьянства возрастала с каждым днем. После приказа Керенского от 18 июня о наступлении на фронте, являвшегося очередной политической авантюрой, коалиционное правительство потеряло всякий политический кредит, тем более что продолжающаяся война доводила страну до полного хозяйственого развала, которому буржуазия в значительной мере способствовала, останавливая предприятия в виде протеста против революционных мероприятий рабочего класса. «Временное правительство, призванное «спасти» страну, оказалось неспособным выполнить свою задачу. Более того, — оно еще более запутало дело, начав наступление на фронте и затянув тем самым войну, главную причину общего кризиса в стране». (Сталин. «На путях к Октябрю», стр. 72).

Вполне понятно, что революционный пролетариат не мог равнодушно смотреть на предательскую политику Временного правительства. Приказ Керенского вызвал бурю возмущения в среде широких рабоче-крестьянских и солдатских масс. «Вся власть советам», «Долой министров-капиталистов» — таковы лозунги, под которыми проходили рабочие демонстрации в июньские дни. Кадеты были вынуждены уйти из министерства, чем наглядно вскрыли нежизнеспособность коалиционного министерства. «А отступление наших войск на фронте после известного их наступления довело кризис до крайних пределов...» (Сталин).

Меньшевистско-эсеровские социал-соглашатели, заседавшие в Питерском совете рабочих и солдатских депутатов и в министерских кабинетах Временного правительства, отнюдь не были склонны держать линию дальнейшего развития революции, с тем чтобы власть от контрреволюционной буржуазии перешла в руки рабочего класса, который в союзе с крестьянством пошел бы по пути немедленного прекращения войны, ликвидации хозяйственной разрухи, по пути дальнейших революционных завоеваний. Вот почему 3-4 июля пролетариат и солдаты Петрограда в числе 400 тысяч человек выступили вооруженной демонстрацией и предъявили социал-соглашателям политический счет, требуя взятия власти в руки советов и пресечения буржуазной контрреволюционной политики Временного правительства. Правда, эта демонстрация явилась стихийным протестом против удушения революции. Большевики вмешались (и должны были вмешаться) в это стихийное движение, чтобы придать ему организованность.

> «Демонстрация 3-4 июля является призывом рабочих и солдатских масс, обращенным к социалистическим партиям, стать... на путь дальнейшего развития революции. В этом ее политический смысл и величайшее историческое значение». (Сталин. «На путях к Октябрю», стр. 73-74).

Но меньшевистско-эсеровские советы в июньские дни встали на путь удушения революции. Буржуазия при поддержке меньшевиков и эсеров открыто переходит в наступление на рабочий класс.

«Движение 3 и 4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить советы взять власть. С этого момента советы, т.-е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция». (Ленин, т. XXI, стр. 45).

●

События июльских дней в Петрограде нашли горячий отклик в рабочих и солдатских массах в Ивановской области. О выступлении питерских рабочих и солдат на местах стало известно 4 июля. На Собинской фабрике местная большевистская организация тотчас по получении известий о событиях в Петрограде провела демонстрацию, которая прошла при поголовном участии всех рабочих и служащих фабрики под лозунгом «Вся власть советам». Посланы приветственные телеграммы кронштадтским матросам и солдатам петроградского гарнизона. 6 июля проходили многотысячные рабочие демонстрации в Коврове, Александрове, Гусь-Хру-

стальном, Иваново-Вознесенске, Родниках и других промышленных центрах области.

Александровский совет принял предложенную большевистской фракцией резолюцию, где говорится, что «коалиционное правительство не может провести в жизнь те требования, которые были предъявлены верховной власти в начале великой революции российской революционной демократией»... и требует немедленного перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Такая же резолюция принята на экстренном собрании Ковровского совета, которое было созвано специально по вопросу о событиях в Петрограде. В резолюции Ивановского совета отмечается, что «экономическая разруха хозяйства страны и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край пропасти. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а наоборот, своими распоряжениями вносит еще большую неурядицу в те начинания, которые революционная демократия в лице советов проводит на местах для ослабления и спасения от разрухи и безработицы, а поэтому, протестуя против соглашательской политики с буржуазией в министерстве, Совет рабочих и солдатских депутатов вместе с революционными войсками и рабочими Петрограда присоединяют свой голос к лозунгу «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Ивановский совет к июльским дням оказался подготовленным для того, чтобы взять власть в свои руки. В ночь с 4 на 5 июля, тотчас же по получении из Москвы от областного бюро РСДРП(б) телеграммы о демонстрации фабрик и заводов Питера, Совет установил контроль над телеграфом и телефоном, а 6 июля большевиками организована была демонстрация, в которой участвовали рабочие и работницы всех фабрик и заводов под охраной вооруженных солдат 199-го полка.

Солдаты были участниками демонстраций не только в Иванове, но и в других городах области. Этот факт замечателен тем, что он свидетельствует о все возрастающем революционизировании армии. В самом деле, еще за несколько дней до июльских событий 82-й пехотный полк, расквартированный во Владимире, вынес постановление о неподчинении приказу начальника Московского военного округа об отправке на фронт. Совет солдатских депутатов владимирского гарнизона поддержал требование полка. Вслед за этим такую же резолюцию вынесли и солдаты 215-го полка.

Революционно был настроен и 250-й пехотный полк в Коврове, являясь надежной опорой местного Совета, который, как и Ивановский, держал власть в своих руках. Не даром высшее военное начальство распорядилось о выводе полка из города.

Костромскими меньшевиками и эсерами еще до июльских дней в местном гарнизоне организована «ударная рота», которая 2 июля особым воззванием призывает солдат «немедленно сплотиться под красным знаменем революции и стройными рядами итти туда, где в потоках крови куется счастье (?!) человечества... Устремитесь все

вперед на борьбу, ибо только в борьбе приобретешь ты право и счастье свое». Но этому патетическому очковтирательству солдаты костромского гарнизона внимали очень слабо. Они предпочитали лозунги большевиков о прекращении войны и т. п. и 10 июля вынесли резкий протест против закрытия Временным правительством большевистских газет: «Солдатской правды», «Окопной правды» и «Правды».

В Ярославле, несмотря на то, что меньшевики и эсеры принимали самые энергичные меры, чтобы пресечь возможность выступления рабочих и солдат, 5 июля на улицах города проходили летучие митинги, правда, срывавшиеся провокаторскими возгласами темных элементов. Такие крупные предприятия, как спичечная фабрика, ЯБМ, фабрика Львиной, фабрика Феникс, завод Гроссмана, благодаря усилиям меньшевиков решили воздержаться от выступлений. Но если меньшевики пользовались еще влиянием на фабриках, то гарнизон, кроме большевиков, никого не хотел слушать. 5 июля состоялся митинг 210-го полка, где выступали исключительно большевики. Призыв председателя митинга тов. Королькова о передаче власти советам был покрыт одобрительными возгласами и громом аплодисментов. В заключительной части резолюции, вынесенной на митинге, говорится, что «руководящей партией должна быть партия социал-демократов — большевиков». Весь день полк готовился к вооруженной демонстрации. Солдатам выдано по 75 боевых патронов. Готовились к вооруженной демонстрации 211-й и 254-й полки.

Ярославскому совету стоило немалых усилий, чтобы отговорить солдат от демонстрации, а к населению совет выпустил обращение с призывом к спокойствию, угрожая в то же время решительными мерами за попытки организовать выступления. Такое же обращение выпустил и Рыбинский совет, клеймя позором виновников питерской демонстрации.

Интересно по своей нерешительности и половинчатой тактике поведение в июльские дни Костромского совета. Неопределенность и отсутствие твердой линии сквозит в первом постановлении Совета по поводу питерских событий: «В настоящий момент мы подчеркиваем необходимость строгого подчинения органам революционной демократии в лице советов и сохранения полного спокойствия и порядка. Вопрос о разрешении кризиса власти мы возлагаем на Центральный исполнительный комитет советов, который мы обещаем всемерно поддерживать». Комиссар Совета, меньшевик Дьяконов, в воззвании ко всем гражданам неизменно считает, что «наступил великий момент. На полях сражений решаются судьбы России, судьбы всей Европы».

6 июля совместное заседание советов рабочих и военных депутатов, при значительном влиянии большевиков, уже признало, что «начавшееся движение есть неизменный продукт того хозяйственного и политического распада, в котором находится страна. Оно

есть следствие отсутствия той цельной и авторитетной власти, которая могла бы объединить вокруг себя все слои революционной демократии и спасти страну от общей разрухи. Непосредственно предшествовавший выступлению солдат и матросов развал коалиционного правительства (уход министров-кадетов) был лишь яркой иллюстрацией отсутствия целой и крепкой революционной власти... Лучший выход из создавшегося положения — собрание цельной правительственной власти, составленной из представителей советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а не попытка снова наладить распавшуюся коалицию контрреволюционной буржуазии. Предлагая ЦИК стать на этот путь, мы заявляем о своем подчинении его директивам и воздерживаемся от активных выступлений».

Конечно, эта резолюция еще не дает возможности говорить о полной большевизации Костромского Совета, но является значительным шагом вперед по сравнению с майскими постановлениями, где выражено доверие коалиционному правительству. «Северный рабочий» в июльские дни, комментируя петроградские события, негодует по поводу клеветы буржуазной печати на большевиков. Высказывается за власть советов. 8 июля печатает воззвание ЦК РСДРП(б) по поводу контрреволюционной клеветы на Ленина.

Клевету на Ленина и большевиков в Костроме яростно распространяла газета «Народная свобода», которая в передовице от 6 июля пишет, что питерская демонстрация «является лишь новой более крупной ставкой в азартной игре большевистского авантюризма». А на другой день в самом тенденциозном освещении публикует телеграммы о петроградских событиях, «таинственном» исчезновении Ленина из Петрограда, обвиняя его в предательстве. «Поволжский вестник» июльские события считает контрреволюцией.

Именно июльские дни с наибольшей ясностью показали всю контрреволюционность Временного правительства и его помощников меньшевиков и эсеров. Ярославский, Ростовский, Шуйский советы крестьянских депутатов, в которых руководящую роль играли эсеры, поспешили осудить питерских демонстрантов и большевиков. В Ростове и Ярославле эсеры рекомендуют правительству принимать «самые решительные меры к подавлению таких «восстаний». В Шуе уездным советом крестьянских депутатов принята резолюция, которая июльские события оценивает с точки зрения кулака. В резолюции говорится:

> «Уездный совет крестьянских депутатов, исходя из создавшегося в последние дни решительного момента, угрожающего судьбе России, и печальных событий по местам, завершившихся пролитием родной братской крови, по внушению темных (?) сил, стремящихся к захвату власти через посредство несознательных (?) войсковых частей и рабочих, уклоняющихся (?!) от исполнения долга перед родиной, подвергая этим опасности наш молодой неокрепший демократический строй и

самую свободу, постановил: выразить Временному правительству, тесно (?) идущему с СР и СД, доверие и поддерживать его всеми возможными мерами по пути проведения в жизнь реформ, облегчающих (?!) положение трудящихся классов. На местах же, в уезде, предупреждать крестьян недоверчиво относиться к агитаторам, призывающим к неподчинению Временному правительству...».

Ивановские эсеры во главе с председателем исполнительного комитета общественных организаций Майоровым в июльские дни намеревались произвести и активные выступления против большевиков и Совета. В экстренном заседании Совета, где обсуждался вопрос об июльских событиях в Петрограде и устройстве демонстрации, эсер Салов угрожал расстрелом рабочей демонстрации. Майоров в ночь на 5 июля пытался по телефону связаться со штабом полка, чтобы подготовить солдат для разгона демонстрации. Контроль Совета, установленный на телеграфе и телефоне, перехватил в 3 часа ночи на 5 июля следующий разговор Майорова с Шуей: **«Пусть едут из Шуи Нарыков и К⁰. Большевики берут власть в свои руки, приезжайте к 9 часам».** Служащие Ивановской почты и телеграфа 6 июля обратились ко всему населению с контрреволюционным воззванием, где обливают грязью представителей Совета, явившихся для контроля. Вслед за этим против действий Совета и начальника милиции протестует частное совещание при городской Управе, и Исполнительный комитет общественных организаций действия Ивановского Совета считает «мешающими делу укрепления революции». Александровский уездный комиссар Флеров отдал приказ об аресте приезжавшего в Александров представителя Московского областного бюро РСДРП(б) тов. Янышева.

Местные представители контрреволюционного Временного правительства, а также меньшевики и эсеры делали все, чтобы задушить революцию, дискредитируя большевиков и те советы, где большевикам принадлежало решающее влияние. Наоборот, советы, где преобладало меньшевистско-эсеровское руководство, использовывались для дальнейшего обмана рабоче-крестьянских масс. Но слишком открыта была контрреволюционность органов Временного правительства и социал-соглашателей после июльских дней. Широкие массы рабочих и крестьян наглядно убедились в этом и под руководством большевиков стали готовиться к дальнейшим решительным схваткам, ибо **«мирный период развития революции кончился. Наступил период не мирный, период схваток и взрывов»... (Сталин).**

V. На подступах к Октябрю

1. Пролетариат дает отпор контрреволюции

Разгром демонстрации питерских рабочих 3—5 июля показал, что фактическая власть в стране находится в руках буржуазии. Если в первый, мирный период Февральско-мартовской революции буржуазия еще прикрывала свою реакционную работу демократическими фразами, то после июльских дней она, с помощью меньшевиков и эсеров, руководивших в то время Петроградским советом, открыто шла во главе контрреволюции. Большевистские вожди должны были уйти в подполье; для революционных солдат на фронте введена смертная казнь; закрываются сотни предприятий, а на других усиливается эксплоатация рабочего класса.

Программа контрреволюционной буржуазии была ясно выражена устами Рябушинского и Милюкова, когда они обещали «костлявой рукой голода задушить революцию», требовали разгона советов, установления смертной казни не только на фронте но и в тылу, требовали полного запрещения митингов и собраний. После июльских дней местная буржуазия и офицерство организуются в различного рода организации: «союз офицеров», «союз георгиевских кавалеров» и т. п., ставящие своей целью подавление революции и установление генеральско-буржуазной диктатуры.

Реакционные акты буржуазии вызвали ответные революционные действия рабочего класса. И чем контрреволюционней становилась буржуазия, тем больше революционизировался пролетариат, ведя за собой бедноту и маломощные слои деревни, еще теснее организуясь под знаменем большевиков.

«Против действий буржуазии мы представляем свою политику, а именно: требуем перехода всей власти в руки советов и немедленного осуществления рабочего контроля над производством и распределением...» — заявили на митинге 14 июля рабочие Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры по поводу закрытия предпринимателем фабрики.

В свою очередь Ивановский совет, подтвердив, что свои действия 4-5 июля считает правильными, в виду растущего контрреволюционного движения вынес постановление: «устроить митинги для рабочих, снабдить агитаторов мандатами и **обязать** председателей митингов оповещать собрание о каждом выступающем —

его принадлежность к партии». 12 июля большевики в Совете настаивают на закрытии газеты контрреволюционного комитета общественных организаций. Это особенно характерно в том отношении, что и после июльских дней, когда последовала волна контрреволюционных актов и буржуазия свела на-нет деятельность столичных советов, осуществив свое единовластие, такие пролетарские советы, как Ивановский, под крепким большевистским руководством, единовластие осуществляли в интересах пролетариата, открыто игнорируя местные органы Временного правительства.

После июльских дней побитая местная буржуазия осуществляет свое намерение, закрывая фабрики и заводы. В Иванове и Кинешме за июль и август закрывается свыше десятка предприятий с числом рабочих от 2 до 9 тысяч. В Шуе, Ярославле, Костроме фабриканты и заводчики на каждое экономическое требование рабочих угрожают локаутами, игнорируют рабочие организации, увольняя членов фабрично-заводских комитетов, которые активно боролись за интересы рабочих.

Конечно, действия буржуазии не оставались без ответа со стороны пролетариата. Ярославский союз металлистов потребовал принятия вновь на работу всех членов фабрично-заводского комитета завода Гроссмана, уволенных предпринимателем. Рабочие завода Жакова протестуют против увольнения сторонника рабочих — механика Банно, объявляя место под бойкотом и, при поддержке рабочих других ярославских фабрик, продолжают забастовку, несмотря на то, что предприниматель объявил о закрытии завода. Кроме того, ряд крупнейших ярославских предприятий, вслед за железнодорожниками, в июле месяце на митингах вынес требования о недопустимости освобождения из-под ареста бывших полицейских, так как местные органы Временного правительства, при явном попустительстве меньшевиков и эсеров, еще в июне вынесли постановление об освобождении.

Этот протест ярославских рабочих является нечем иным, как политическим столкновением с социал-соглашателями, пользовавшимися до последнего времени значительным влиянием.

Предательская политика меньшевиков и эсеров после июльских дней вызвала бурю возмущения в пролетарских массах. Во всех рабочих центрах значительно усиливается влияние большевиков. На многочисленных митингах и собраниях в конце июля и в первых числах августа выносятся большевистские резолюции с протестом против контрреволюционных мероприятий Временного правительства: против ареста большевиков, введения смертной казни на фронте и т. п. Гусевские рабочие-хрустальщики единодушно постановили добиваться переизбрания Совета, потому что большинство там принадлежало меньшевикам и эсерам. Соединенное заседание советов рабочих и солдатских депутатов в Костроме «видит единственный выход из создавшегося положения в полном разрыве с буржуазией и в переходе всей власти в руки рево-

-люционных пролетарских, солдатских и крестьянских советов». В Иванове, в виду контрреволюционной угрозы, при Совете устанавливаются ночные дежурства, а начальнику милиции поручено поставить для охраны конных милиционеров.

Август отмечается еще более ожесточенной борьбой пролетариата с фабрикантами. Экономическая борьба усиливается еще и в связи с тяжелым продовольственным положением, тем более, что органы Временного правительства как в центре, так и на местах не провели никаких реальных мер к предотвращению голодовки. Таким образом и экономические выступления пролетариата всегда принимали политическую окраску.

Тем временем местные большевистские организации все больше и больше охватывали своим руководством массы. Кинешемский комитет считает недостаточным влияние большевиков в Совете и укрепляет фракцию исполкома путем довыборов. Укрепляется влияние большевиков и в профсоюзах, где до этого верховодили меньшевики.

Во Владимире состоялась районная конференция РСДРП(б), где присутствовали делегаты Коврова, Владимира, Судогды, Мурома, Покрова, Меленок и Суздаля. Конференция обсудила доклады с мест, в которых отмечалось усиливающееся большевистское влияние среди рабоче-крестьянских масс, и наметила ряд практических мероприятий по выполнению текущих задач: выборы в земство, Учредительное собрание и т. д. По текущему моменту конференция присоединилась к резолюциям ЦК, Петроградского и Московского комитетов и вынесла решительный протест против контрреволюционной буржуазной диктатуры, поддерживаемой социал-соглашательским советским большинством. Кроме того, Владимирская конференция вынесла решение о присоединении к ивановской окружной организации.

Окончательно порывает с меньшевиками и костромская организация.

> «Теперь, когда все карты раскрыты, не приходится говорить об объединении. Нам надо окончательно и бесповоротно порвать с оборонцами. Это должно быть нашей ближайшей задачей», — говорит 11 августа во вступительном слове председатель Костромского общегородского собрания большевиков тов. Станкевич, указывая, что «у власти должна быть революционная демократия, иначе нет гарантии, что контрреволюция победит, а победе этой способствует не только черная сотня и кадеты, но ей потворствуют по недоразумению (?!) и социал-демократы — меньшевики...»

Ряд советов и рабочих организаций области благодаря разъяснительной работе большевиков встал во враждебную позицию к Всероссийскому центральному исполнительному комитету советов за его соглашательскую политику.

Резким протестом во всех городах области рабочими встречено Московское государственное совещание. Поддержал его только Гусевской меньшевистско-эсеровский Совет. Но рабочие стекольного производства опротестовали постановление и признали, что оно не выражает воли пролетариата Гусь-Хрустального. Костромской и Ивановский Советы созыв совещания считали попыткой контрреволюционной буржуазии «создать сильный общероссийский центр, объединить свои силы и выступить во всеоружии против демократии», поскольку совещание составлено из представителей черносотенной Государственной думы и других буржуазных организаций. Своих представителей на совещание советы посылали с единственной целью декларативно объявить свое отношение к совещанию и уйти с заседания.

В знак протеста против Московского совещания на многих предприятиях устраивались митинги, а в Костроме большевиками организована всеобщая политическая стачка. Эта стачка показательна в том отношении, что среди рабочих большевики пользовались к августу исключительным влиянием и по первому зову городского комитета устроили забастовку. 12 августа в 4 часа дня забастовало около 14 тысяч рабочих, к которым присоединилось 6 тысяч солдат 88-го и 202-го полков. Состоявшийся грандиозный митинг прошел под лозунгами «Долой смертную казнь», «Долой контрреволюционное Московское совещание». От имени 100 тысяч текстильщиков Иваново-Кинешемской области делегатское собрание областного профсоюза, протестуя против Московского совещания, «призывает всех товарищей рабочих напрячь все силы для организации масс и подготовки к новой решительной борьбе».

Как и следовало ожидать, местная буржуазия возлагала очень много своих контрреволюционных надежд на Московское совещание. Временные исполнительные комитеты, как правило, посылали туда реакционнейших представителей. Буржуазия обливала грязью большевиков и рабочие организации за то, что они вскрыли перед массами цели совещания. Издатель костромской газеты «Поволжский вестник» Лбовский выпустил бесплатную листовку-прокламацию, где, не стесняясь в выражениях, делает грубые выпады против большевиков в связи с происходившей 12 августа политической забастовкой. В ответ на эти выпады печатники потребовали через газету «Северный рабочий», чтобы правление союза объявило конторщика Раевского, печатавшего листовку, штрейкбрехером.

Большевиков клеймит и передовица «Народной свободы», выдерживая клевету в строго обывательском тоне:

> «Временное правительство... устраивает государственное совещание в Москве, чтобы общим порывом найти путь спасения родины... а наши меднолобые большевики, эти нередко немецкие наймиты и полицейские провокаторы, поднимают малокультурных людей для протеста... И слепая солдатская масса и часть рабочих

идут за ними на улицу. И опять солдаты... массами позволяют себе уходить из казарм для политических антиправительственных демонстраций. Опять фабрики встали без всяких причин. Опять магазины были вынуждены... закрыть свою торговлю. А буржуазные газеты лишены были возможности выйти на другой день. Когда же этому конец?»

У передовика «Народной свободы» было более чем достаточно оснований для пессимизма. Последующие события показали, что буржуазия не дождется конца революционных выступлений пролетариата. Контрреволюционная авантюра Корнилова вместо окончательного подавления вооруженной силой революции, чего ожидала буржуазия, еще больше пробудила революционную энергию рабочего класса и крестьянства.

2. В дни корниловщины.— Рабочие организуют Красную гвардию

Корниловщина явилась прямым, уже на основе вооруженной силы, продолжением контрреволюционной политики Московского государственного совещания, в постановлениях которого, по выражению тов. Сталина, была «похоронена» революция. Формально царский генерал Корнилов выступал против Временного правительства, по существу же эта авантюра с ведома социал-предателя Керенского была направлена против пролетариата и крестьянства с тем, чтобы потопить в крови революционное движение и установить военную диктатуру с Корниловым во главе, а это фактически означало монархическую реставрацию со всеми ее аттрибутами: погромами, виселицами и прочими методами удушения революции.

Пролетариат и крестьянство (в лице революционных солдат) не дали осуществиться контрреволюционной затее. Когда корниловские части подходили к Питеру, рабочие приготовились к вооруженному отпору, а затем и сами корниловские солдаты, распропагандированные большевиками, отказались стрелять в петроградских рабочих. Корниловщина еще лишний раз убедила революционные массы в правоте большевиков, с первых дней Февральско-мартовской революции разоблачивших контрреволюционность буржуазии и соглашательскую тактику меньшевиков и эсеров. Массы, окончательно разуверившись в либеральной болтовне социал-предателей, пошли исключительно за большевиками, под руководством которых и стали готовиться к решающим революционным схваткам.

●

Телеграфное извещение о корниловском восстании тотчас же поставило на ноги пролетариат и рабочие организации области.

В большинстве городов создавались ревкомы и революционные штабы, которым передавалась вся полнота власти. Инициатива создания и руководящая роль в ревкомах и штабах повсеместно принадлежала большевикам и советам.

Экстренные заседания советов во всех городах области выразили возмущение по поводу корниловской авантюры. Ивановский Совет корниловщину считает завершением организации темных сил против революции, чему способствовала контрреволюционная политика Временного правительства и соглашательская тактика ВЦИК советов. От имени пролетариата и гарнизона Совет заявляет, что будет всеми силами бороться за революционные завоевания и требует **«перехода всей власти в руки действительно революционных советов рабочих и солдатских депутатов».** Красной нитью во всех постановлениях проходят требования отмены смертной казни, ареста главарей контрреволюции, закрытия и разгона контрреволюционной Государственной думы, закрытия органов буржуазной печати и проч.

Под напором революционных выступлений пролетариата и солдат в дни корниловщины даже советы, где еще преобладали меньшевики и эсеры, выступают с протестом против авантюры Корнилова, провозгласившего борьбу не только против большевиков, но и за уничтожение советов и комитетов. Оживают умершие было советы и комитеты, разбитые в июле-августе происками буржуазии при явном попустительстве и согласии меньшевиков и эсеров. Поднимаются на ноги такие советы, как Владимирский, которому «представители общественных организаций» в дни корниловщины передают всю власть. Вслед за требованием рабочих фабрик, заводов и железнодорожников о переходе всей власти в руки рабочих и крестьян и протестом против контрреволюционной политики Временного правительства, Ярославский меньшевистско-эсеровский совет выступает с протестом против авантюры Корнилова. Угроза военной диктатуры и реставрации монархии толкнула в эти дни мелкобуржуазные элементы влево, в сторону пролетариата, который выступал застрельщиком в борьбе против корниловщины.

Резолюции, вынесенные на рабочих митингах по поводу корниловщины, красноречиво говорят о готовности пролетариата грудью встать на защиту революции и дать отпор посягательствам контрреволюционеров.

> «Вооружить повсеместно революционные войска и рабочих; расформировать и разоружить контрреволюционные части; арестовать царских генералов и главарей контрреволюции; арестовать главарей буржуазной контрреволюции: Родзянко, Милюкова, Гучкова, Рябушинского, Родичева, Маклакова и всю их компанию; закрыть и разогнать Государственную думу, Совет московского совещания, офицерский союз и военную лигу; закрыть

органы буржуазной контрреволюционной печати: «Речь», «Русское слово», «Утро России» и др.; конфисковать их типографии; выслать из России агентов иностранного империализма — друзей Родзянко и Каледина; отдать всю власть действительно революционным советам рабочих и солдатских депутатов, встать около них одной сплоченной силой...»

Вот резолюция, единогласно принятая по поводу корниловщины рабочими Гандуринской фабрики в Иванове, а вслед за ними такие же постановления вынесены и на других фабричных митингах, которых большевистская организация и совет организовали на всех ивановских предприятиях. Аналогичные резолюции приняты рабочими завода ПЛО и Михинской фабрики в Костроме, Томны — в Кинешме, а также на вичужских и других фабриках и заводах области.

Почетную революционную задачу в дни корниловщины выполнили ковровские железнодорожники. Еще до корниловских дней, 9 августа, т.-е. накануне созыва контрреволюционного Московского совещания, рабочие железнодорожных мастерских и участка, учтя всю серьезность момента, угрожающего революции, на общем собрании, созванном большевистской оргенизацией и Советом, избрали военно-революционный дорожный комитет и боевое бюро, которое в 3-дневный срок сформировало отряд Красной гвардии. К моменту корниловщины отряд вырос в 180 человек и в дни восстания держал в своих руках узловые станции Ковров и Новки, не пропуская к Москве и Петрограду корниловских войск. После корниловщины организация Красной гвардии и ее вооружение в Коврове пошло еще усиленнее.

Ивановский городской комитет большевиков и Совет тоже выделили специальную тройку по организации боевых рабочих дружин, формируя отряды Красной гвардии, начало которым было положено еще до июльских дней. В первых числах сентября решения об организации красногвардейских отрядов выносится костромской и кинешемской большевистскими организациями. Парвление Александровского союза текстильщиков находит, что отряды должны быть при каждой фабрике, а Совет учредил особую комиссию по организации, вооружению и обучению Красной гвардии. Комиссия немедленно приступила к работе, а через некоторое время на фабриках Александровского района проводятся специальные собрания и создаются отряды до 150 человек. 17 сентября на Владимирской губернской конференции, созванной по инициативе ивановской организации, из докладов с мест установлено, что желающих вступить в Красную гвардию очень много, но нехватает оружия. Конференция вынесла постановление, чтобы местные организации продолжали работу по формированию красногвардейских отрядов и снабжению их оружием.

Таким образом расчеты контрреволюционной буржуазии —

подавить через Корнилова революцию — не оправдались. Пролетариат, руководимый большевиками, единым фронтом встал на защиту революции, а после корниловского восстания стал усиленно готовиться к решающему бою.

3. Большевизация армии

Как и в первый период Февральско-мартовской революции, после июльских дней солдаты расквартированных в области воинских частей продолжали итти в ногу с революционным рабочим классом. В июльские дни армия, несмотря на противодействия буржуазного командного состава, организовавшегося в «союзы офицеров» и т. п., вместе с пролетариатом демонстрировала свою революционную мощь, показывая буржуазии готовность в любую минуту с оружием в руках встать на защиту пролетариата и крестьянства. Мы уже знаем, что в некоторых городах области (например Ярославль) солдатам принадлежала инициатива организации вооруженных демонстраций в июльские дни. Все воинские части, стоявшие в Ивановской области, были большевистски настроены. Вот почему высшее военное начальство после июльских событий стало усиленно выводить революционные части. В ответ на эти распоряжения солдаты отказывались подчиняться приказам, в чем их поддерживали местные советы рабочих и солдатских депутатов.

В штабе Московского военного округа решили «принять меры» вплоть до вооруженного принуждения. 8 июля командующий округом Верховский на имя начальника владимирского гарнизона прислал не менее грозную, чем лицемерную телеграмму:

> «Узнал о решении 82-го пехотного запасного полка не подчиниться постановлению Временного правительства об отправке на фронт. Вижу в этом подлую работу черносотенцев (?!) и провокаторов (?), стремящихся погубить великое дело свободы. Покончив с бунтовщиками в Нижнем-Новгороде, еду во Владимир с председателем Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и представителями крестьянского, солдатского и рабочего советов депутатов Москвы и комитета фронта, облеченный властью всей революционной демократии. В моем распоряжении войска, артиллерия, броневые автомобили. На вокзале 9 сего июля в 8 часов утра во Владимире ожидаю услышать новое постановление полка и тогда решу — имею ли я дело с войсками великой русской революции... или с бунтовщиками против (?) дела свободы и революции, к которым я должен применить силу оружия».

Эта телеграмма, помимо лицемерия и военных угроз, характерна еще и в том отношении, что наглядно показывает активное участие Петроградского и Московского соглашательских советов в подавлении революционного рабочего движения после июльских дней.

9 июля Верховский действительно прибыл во Владимир вместе со своими соглашательскими спутниками, но его угрозы такого действия, как он ожидал, не оказали. На совместном заседании губернского совета солдатских депутатов, комитетов частей гарнизона и исполнительного комитета Владимирского совета рабочих депутатов принято постановление, где приказ командующего Московского военного округа об отправке целиком полков считается неправильным, но во избежание кровопролитных эксцессов признано нужным выполнить приказ об отправке 82-го полка, оставив во Владимире по 50 человек от каждой роты.

Угрозы репрессий, разумеется, не могли остановить большевизации армии. 10 августа солдатский митинг в Кинешме потребовал не допускать созыва Московского государственного совещания, которое, по мнению солдат, является съездом контрреволюционных заговорщиков. «Правящим же партиям — социал-революционерам и меньшевикам, которые своим попустительством и сотрудничеством с буржуазией приводят революцию на край гибели, митинг выносит свое категорическое неодобрение и глубокое возмущение».

Мы уже знаем, что кстромской гарнизон в числе 6 тысяч солдат присоединился к политической забастовке рабочих по поводу Московского совещания.

14 августа партийное собрание 202-го полка, где присутствовало около 200 человек, по вопросу «О партийной дисциплине» выразило готовность «во всеоружии встать на защиту свободы и земли» и призывает солдат вступать в партийную организацию, чтобы «общими сплоченными рядами показать контрреволюции нашу мощную силу».

В дни корниловщины солдаты являлись активными участниками революционных комитетов и штабов, а также боевых дружин, создаваемых рабочими для отпора контрреволюции. После корниловских дней армия революционизируется еще больше. Правда, воинские части в области остались немногочисленны. Большинство солдат было отправлено на фронт, но в армии не прекращалась политическая работа. Солдаты, активно участвуя в политической жизни, шли за большевиками; выносили постановления о посылке писем родственникам в деревню, чтобы те при различных выборах голосовали за большевистских кандидатов (Костромской гарнизон).

Армия готовилась сама и помогала подготовлять деревню к Октябрьской революции.

4. Деревня перед Октябрем

Политическое настроение деревни после июльских дней характеризуется резким размежеванием социальных групп, наметившимся еще в первый период Февральско-мартовской революции. Это размежевание, конечно, определяется, в первую очередь, экономическим положением отдельных слоев крестьянства, при чем особенно отчетливо обнаруживаются два провотивоположных течения: контрреволюционное, представителями которого являются кулак и вообще деревенская верхушка, и революционное — беднота и маломощное крестьянство. Середняк занимает колеблющееся положение, склоняясь на сторону бедноты.

Верхушка деревни, вслед за буржуазным Временным правительством, могла не только подождать с разрешением земельного вопроса, но и не была заинтересована в том порядке его разрешения, какой выдвигается беднотой, т.-е. в отмене частной собственности и конфискации земель.

> «В земле крестьяне не нуждаются, земли у них довольно. Земли на 3 надела. Как говорят, чтобы землю в общую собственность, так это к нам не подходит. У нас все больше стоят за частную сбоственность», — пишет кулацкий корреспондент ярославской кадетской газеты «Голос» от 5 июля.

Эта же газета 3 июля пишет, что статистики по земельной переписи указывают именно на два течения, существующие в деревне в земельном вопросе:

> «Зажиточные и теперь считают себя собственниками на надельную землю и желают, чтобы и в дальнейшем владение землей происходило на правах частной собственности. Бедняки и малоземельное крестьянство стоят за общественную собственность на землю, другими словами — за конфискацию частновладельческой».

Кулацкая часть деревни хорошо сознавала, что политика буржуазного Временного правительства наруку имущим классам и неизменно стояла на его стороне. Из деревенской верхушки подбирался эсерами и состав губернских и уездных советов, крестьянских депутатов. Вот почему кулацкое настроение выражено в приведенной нами выше шуйской резолюции по поводу июльских событий. В Ярославле тоже послано приветствие Керенскому и Чернову, а в Рыбинске Советом крестьянских депутатов принято постановление, осуждающее большевиков и газеты «Социал-демократ» и «Правду». Также выражено пожелание о том, чтобы правительство принимало меры к беспощадному подавлению таких, как в Питере, «восстаний».

Беднота же и маломощное крестьянство продолжали «самочинно» осуществлять свои права на землю, окончательно потеряв

веру в то, что Временное правительство разрешит в их пользу земельный вопрос. Даже местные органы Временного правительства иногда бывали вынуждены считаться с движением. Так, в начале июля Семеновский волостной комитет Шуйского уезда постановил передать крестьянам покос землевладельца Турлапова, несмотря на нежелание последнего. Крестьяне в Меленковском уезде приступили к рубке леса в дачах удельного ведомства. К октябрю месяцу это явление приняло массовый характер. За три дня до Октябрьской революции из Меленок министру внутренних дел послана телеграмма такого содержания: «Соединенное заседание меленковских общественных организаций доводит до вашего сведения, что они исчерпали все средства морального воздействия и бессильны бороться с порубками лесов в уезде». Порубки в удельных лесах имеют место в Шевалдовской и Никитинской волостях Кинешемского уезда, а Пушкинский волостной земельный комитет Костромского уезда 2 октября постановил, что лесовладельцы могут пилить дрова не более, чем по 7 погонных саженей на хозяина. Словом, аграрная революция в деревне к Октябрю наметилась окончательно, при этом отдельные ее акты принимают уже организованную форму, тем более что после июльских событий и последовавшей за ними контрреволюции политическая активность маломощно-бедняцких слоев деревни возрастала с каждым днем.

Кроме земельного вопроса, основная масса деревни имела основания быть недовольной Временным правительством и в связи с тяжелым продовольственным положением, а также требованиями под угрозой военной силы поставки скота для армии. Но угрозы не помогали. Отказы поставлять скот на пункты стали очень частым явлением. Нередки случаи продовольственных беспорядков. В селе Рыжакове Ярославской губернии крестьяне в июле выносят постановление: «ввести твердые цены на предметы фабрично-заводского производства, взять свободные капиталы богатых людей в беспроцентный заем, ввести налог на военную прибыль капиталистов до 90%». Здесь уже явно сквозит посягательство на частную собственность буржуазии. На губернском крестьянском съезде в Костроме по докладу о земельных комитетах прения принимают исключительно политический характер и неожиданно для эсеров раздаются голоса делегатов с мест в защиту большевиков. Один из делегатов Колачев говорит, что «не нужно забывать о вечном враге — капиталисте, о надвигающейся контрреволюции. Не время теперь натравливать партии друг на друга; мы должны сплотиться и взять власть в свои руки. Нужно единение в рядах революционной демократии, а не травля большевиков. Буржуазия старается нас расколоть». Конечно, эта речь далека еще от последовательной революционности, но в ней чувствуется симпатия к большевикам. Недаром председатель съезда эсер Лотошников дал Колачеву «отповедь», говоря, что в области земельной реформы нужно бороться направо (с помещиками) и налево — с крайними течениями. «Мы готовы были прекратить споры с большевиками, — указывает Ло-

тошников, — и говорили им, что для этого они должны бросить свою крайнюю тактику, они же этого не сделали. Если большевики в земельном вопросе не откажутся от своей тактики, то с ними не может быть единения и мы им скажем: от деревни руки прочь» (!?). Останавливаясь на программных разногласиях, Лотошников не брезговал и демагогическими выпадами против большевиков: «Крестьяне не есть (?) мелкая буржуазия, как говорит Ленин, а пролетариат (!)», — утверждал он. Но эсеровская демагогия уже не встречала сочувствия в крестьянской массе. На том же съезде страсти настолько разгорелись, что Костромским эсерам ничего не осталось, как заканчивать съезд при закрытых дверях, не допуская даже газетных корреспондентов, и буквально протаскивать свои резолюции.

Через несколько дней после съезда в волостях Костромской губернии выносятся резолюции, где возникновение так называемого Всероссийского крестьянского союза считается контрреволюционным явлением, а демократии предлагается противодействовать таким организациям, сплотившись вокруг советов. Август отмечается крутым поворотом деревенской бедноты и среднего крестьянства на сторону революции, против контрреволюционных актов Временного правительства. Эсеровские «полпреды» сдают одну позицию за другой. В селе Парском Юрьевецкого уезда на митинге выносится резолюция — протест против смертной казни, против Московского государственного совещания, арестов без суда и следствия, разгрома рабочих типографий и закрытия газет, защищающих интересы рабочих и беднейшего крестьянства. Революция требует борьбы с контрреволюцией и перехода власти советам. В конце августа в Юрьевце на заседании крестьянского совета больше одной трети эсеровских депутатов пошло за большевиками и в резолюцию эсеров внесены большевистские пункты против смертной казни и преследований революционной демократии.

Проявлению и оформлению политической активности в деревне, в основной массе уже враждебно настроенной к Временному правительству, в значительной мере способствовал город, откуда все чаще стали приезжать большевистские агитаторы, а также революционные рабочие и солдаты. Недаром александровский уездный комиссар Флеров был очень обеспокоен приездом в одну из деревень уезда кронштадтского матроса Федюхина, который распространял среди крестьян большевистские листовки и издания. Комиссар поспешил отдать приказ об аресте тов. Федюхина, мотивируя это в донесении к губернскому комиссару опасением, как бы население «не вышло из сдерживаемого с большим трудом состояния уравновешенности». Враждебность к Временному правительству в деревне проявляется еще в пассивном отношении к выборам в земство и в отдаче голосов большевикам и сочувствующим большевистскому течению крестьянам. Пассивное отношение к земству отмечалось в Ярославской и Костромской губерниях, что засвидетельствовано даже в губернских комиссиях по выборам. В Апраксинской и Вашутинской волостях Костромского уезда выносились

постановления: «на сходы не итти». В Макарьевской и Белореченской волостях выборы сорвались за неявкой избирателей. Наоборот, в Тезинской волости Кинешемского уезда подавляющее большинство получили большевики, а также крестьяне, склоняющиеся к большевизму.

Революционно деревня реагирует и на корниловское восстание. На уездном съезде крестьянских депутатов в Галиче делегаты с мест высказались за беспощадную борьбу с контрреволюцией и тесное общение рабочих и крестьянских советов. От Временного правительства съезд требует монополизации государством промышленности, торгово-промышленного, монастырского и крупного свободного капитала. Вместо волостных комитетов общественной безопасности решено в волостях немедленно создать советы крестьянских депутатов.

Деревня все шире охватывается руководством революционного города. 13 сентября Ивановский совет постановляет создать при Совете крестьянскую секцию и организует крестьянское совещание. Это мероприятие, конечно, было рассчитано на то, чтобы и деревенская беднота встретила организованно предстоящую пролетарскую революцию. Кроме того, с развитием революционных событий деревня выдвигала своих руководителей, через которых и держала связь с городом. Интересный факт приводит в своих воспоминаниях Мороховец о Нажеровской волости Ростовского уезда.. «В Нажеровской волости успешно велась работа в большевистском направлении. Работу там вел местный крестьянин Чехонин — беспартийный, но большевистски настроенный, талантливый агитатор и энергичный организатор. Ему удалось создать в волости «Нажеровскую республику» (как ее иронически называли), игнорировавшую органы Временного правительства. Организация волости была крепкая, никаких беспорядочных выступлений, разгромов и т. п. в ней не было». В половине октября в Диево-Городищенской волости Ярославской губерни по вопросу о текущем моменте выносят резолюцию, считая необходимым переход власти в руки революционной демократии, заключение мира и объявление тайных договоров, контроль над производством и передачу земли трудовому крестьянству. В этой же резлюции говорится: «Принимая во внимание, что истинной защитницей интересов трудового народа является РСДРП(б), мы всеми силами будем ее поддерживать в борьбе за освобождение всех угнетенных». На крестьянском съезде в Шуе, где месяца три назад выносились кулацко-эсеровские резолюции, 17 октября эсеры не могли уже отстоять своих предложений по текущему моменту. Принята большевистская резолюция: «1) Временное правительство в течение семимесячного революционного периода не принимало мер к предотвращению надвигающейся голодовки и упадка промышленности, точно так же падения всей хозяйственной жизни страны. 2) В области внешней политики правительство не проявляет своей энергии и настойчивости к прекращению войны, ведущейся в интересах империалистической банды. 3) Новый состав Временного правительства в своей декларации тоже

нисколько не обеспечивает беднейшее крестьянство, рабочих и солдат; оно останавливается на той же точке замерзания, того же продолжения войны. Собрание выражает недоверие Временному правительству и требует передачи всей власти в руки Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов»...

Таким образом мы видим, что и основная масса крестьянства, а в первую очередь беднота, вслед за городом шла за большевиками к Октябрьской революции.

VI. Рабочий класс атакует буржуазию

Контрреволюционная буржуазия в лице Временного правительства разоблачила себя не только политически, но и экономически. Хозяйственная разруха в стране усиливалась. Налицо была продовольственная катастрофа. Несмотря на бесчисленные ходатайства местных продовольственных комитетов и управ, органы центральной власти ничего реального не сделали, чтобы смягчить в области продовольственный кризис.

Да и могли ли они что сделать, когда не пользовались надлежащим авторитетом и в тех губерниях, откуда доставлялся хлеб? Вятка, Уфа, Акмолинск и др. отказывались выполнять наряды министра продовольствия на доставку хлеба в Ивановскую область. На почве голода в сентябре во многих местностях области происходят продовольственные волнения рабочих и крестьян, направленные против органов Временного правительства, неспособного разрешить кризис. Положение обостряется усиливающейся эксплоатацией рабочего класса со стороны предпринимателей. Фабриканты и заводчики отказываются удовлетворять требования рабочих о повышении заработной платы в виду чрезвычайной дороговизны предметов широкого потребления. Кроме того, предприниматели довольно широко применяют излюбленную форму борьбы с рабочим классом — локауты, объявляя о закрытии предприятий в том случае, если требования рабочих достигали особой настойчивости.

На костромских фабриках и заводах отмечается целый ряд ненормальностей технического порядка, при чем это устраивается совершенно сознательно фабрично-заводской администрацией с тем, чтобы завод или фабрику вывести из строя, а рабочих выбросить на улицу. На Толстопятовском заводе произошел взрыв гидравлического пресса. Оказалось, что предохранитель был заклинен, а перед взрывом администрация настаивала на закрытии предприятия. На механическом заводе «ПЛО» в течение ряда недель исчезали главные ремни с электромоторов, которые двигают все предприятие. В то же время администрация угрожала закрытием завода, что и осуществила через несколько дней. Характерно, что за 2 дня до объявления администрации о закрытии произошел взрыв парового молота, обслуживавшего всю крупную ковку завода «ПЛО». В ответ на эти действия администрации рабочие устанавливают контроль, а Совет настаивает перед Московским заводским сове-

щанием на недопущении закрытия. Рабочие выражают готовность взять управление предприятием в свои руки.

На Ярославском заводе Щетинина заводоуправление, воспользовавшись каучуковым постановлением примирительной камеры, создало комиссию по проверке практических и теоретических знаний рабочих для того, чтобы понизить расценки. Представители администрации. — инженеры и механики — на указания рабочих представителей в комиссии не обращали никакого внимания.

Возникает ряд конфликтов рабочих с администрацией и на других ярославских предприятиях. 7 сентября предъявлен расчет рабочим завода сельскохозяйственных орудий Крубич. Администрация мотивировала закрытие отсутствием сырьевых материалов, а на самом деле это объяснялось желанием заводоуправления добиться отмены твердых цен на сельскохозяйственные орудия. 23 сентября рыбинский союз металлистов объявил стачку по поводу того, что предприниматели отклонили пункт коллективного договора, где говорится, что прием и увольнение могут быть произведены только с ведома заводских комитетов и согласия профессионального союза. В связи с конфликтом между администрацией и рабочими в Ярославле закрывается завод Лебедева. Рабочие запретили директору появляться на территории завода, признав его деятельность вредной для предприятия. В конфликт вмешался министр труда, считая недопустимым решение рабочих об удалении директора, но и это не сломило настойчивости рабочих. Только комиссару труда удалось уладить дело.

Бастуют в связи с непринятием администрацией коллективного договора рабочие предприятий фирмы Нобель в Рыбинске. Через некоторое время забастовка в Рыбинске становится всеобщей и создается центральный стачечный комитет. 26 сентября встали все шуйские фабрики. Основным требованием бастующих рабочих было увеличение заработной платаы. Этот вопрос общество фабрикантов и заводчиков тянуло 3 месяца, не вынося конкретного решения. Забастовка проходила организованно под руководством стачечного комитета и Совета.

Самой яркой страницей борьбы пролетариата Ивановской области против буржуазии накануне Октября была **Октябрьская стачка** иваново-кинешемских текстильщиков. Эта стачка по своей организованности и единодушию рабочего класса не много имеет себе равных в истории рабочего движения. Начавшись как экономическая, стачка под руководством местных большевистских организаций принимала политические формы. Таким образом, пролетариат Октябрьскую революцию встретил сплоченно, организованный вокруг стачкомов, советов и большевистских организаций, возглавлявших и руководивших стачкой.

Фактически подготовка к этой стачке велась с мая после Московской конференции представителей рабочих и предпринимателей, на которой, как известно, не было достигнуто соглашений. Но в то время всеобщая стачка считалась несвоевременной, в виду недостаточно благоприятной для рабочего класса обстановки. В течение

прошедших 5 месяцев пролетариат значительно лучше сорганизовался, а фабриканты тем временем продолжали нажим на рабочих, тяжесть которого усиливалась в связи с возрастающей хозяйственной и продовольственной разрухой. Эта обстановка нередко вызывала стихийные выступления рабочих, которые, правда, Совету и партийной организации всегда удавалось взять под свое руководство.

11-12 октября происходило третье соединенное делегатское собрание областного союза текстильщиков, где вынесено постановление: «Принимая во внимание, что заработная плата рабочих совершенно не соответствует существующим ценам на продукты первой необходимости, а поэтому среди рабочих масс на почве низкой заработной платы уже назрело вполне справедливое недовольство, **требования от имени областного союза фабрикантам предъявить немедленно».**

Делегатское собрание приняло тариф 7 руб. 50 коп. в день, как прожиточный минимум, а также выработало перечень санитарно-гигиенических требований с тем, чтобы 13 октября в 2 часа дня все эти требования предъявить союзу объединенной промышленности, районным обществам фабрикантов и заводчиков, а также в отдельности каждому предпринимателю. Для получения ответа установлен срок 18 октября, в случае же неполучения ответа или неудовлетворения требований, делегатское собрание решило объявить всеобщую стачку и избрало центральный стачечный комитет. Через несколько дней стачкомы были организованы на всех фабриках Иваново-Кинешемского района.

18 октября от предпринимателей ответа не получено, в виду чего правление областного союза, центральный стачечный комитет и согласительная комиссия постановили:

> «Стачку объявить 21 октября разом по всей области. Послать телеграмму московским и петроградским текстильщикам с просьбой поддержать выступление. Установить на железной дороге контроль над отправкой мануфактуры (командировать туда красногвардейцев, сговорившись на этот предмет с железнодорожниками)».

В районные отделы союза в тот же день разослана телеграмма:

> «Немедленно изберите на каждой фабрике пикеты из надежных товарищей. Стачка будет объявлена особой телеграммой».

А на другой день на места дано распоряжение о воспрещении вывоза всех изделий с фабрик и об установлении пикетов на железнодорожных станциях.

21 октября все фабрики Иваново-Кинешемского района, извещенные стачкомом о начале забастовки, прекратили работу. В тот же день к забастовке присоединились 11 предприятий Ковровского района, а в следующие два дня забастовали почти все текстильные фабрики Владимирской губернии.

Костромские и ярославские текстильщики по поводу ивановской стачки вынесли резолюции солидарности и постановили произвести отчисления в стачечный фонд. Это показательно в том отношении, что накануне Октябрьской революции весь рабочий класс Ивановской области был достаточно подготовлен для того, чтобы по первому зову выступить на решающую не только экономическую, но и политическую борьбу против буржуазии.

Ивановская стачка и характерна тем, что она помимо категорических экономических требований повсеместно носила резко выраженный политический характер. На всех бастующих предприятиях большевиками проводились митинги, которые проходили под лозунгами передачи всей власти советам. В Шуе по поводу объявления стачки 23 октября состоялась большая манифестация, в которой приняли участие и войска, вышедшие в полной боевой готовности. С большой политической речью на манифестации выступил М. В. Фрунзе. В резолюции, принятой единогласно демонстрантами, говорится: «Положение страны становится все более и более грозным... Современная государственная власть в лице Временного правительства и его агентов на местах не в состоянии справиться с надвигающимися бедствиями в силу неспособности решиться на проведение решительной демократической внутренней и внешней политики. Только переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом».

Что ивановская стачка имела не только экономический характер, а в первую очередь ставила себе политические задачи, подтверждается еще и тем фактом, что после Октябрьской революции рабочие приступили к работе на всех бастовавших фабриках.

Вся экономическая борьба, принявшая после корниловских дней такие ожесточенные формы и отличавшаяся необычайной настойчивостью рабочих, являлась как бы дополнением к политической борьбе революционных масс, направляемой большевиками на путь свержения Временного правительства.

Резкое изменение в политическом настроении масс после корниловщины можно проследить на примерах Ярославля, где наиболее сильно было влияние меньшевиков.

Уже после июльских событий авторитет меньшевиков в Ярославле значительно пошатнулся. После корниловских же дней массы все больше и больше склонялись на сторону большевиков. Рабочие требуют перехода власти в руки советов, организации Красной гвардии, вооруженных рабочих дружин для отпора контрреволюции. Такие постановления вынесены железнодорожниками, на ЯБМ, на заводах «Рено» и «Рессора» в Рыбинске и других предприятиях.

Теперь меньшевикам уже не было возможности либерально-демократической болтовней прикрыть контрреволюционность буржуазии. Июльские дни, Московское совещание и, наконец, корниловщина, окончательно разоблачив буржуазию, разоблачили и социал-соглашателей.

Ярославские рабочие в сентябре требуют перевыборов советов, а при перевыборах значительная доля мест отдается большевикам, под влиянием которых Совет все чаще и чаще выносит последовательно революционные постановления и берет в свои руки власть от умирающего временного исполнительного комитета. Большевизация советов после корниловщины характерна не только для Ярославля, но и для других городов губернии: Рыбинска, Ростова, Мышкина и т. д.

Ряд советов области выразил недоверие ЦИК в связи с созывом в Петрограде демократического совещания, а Ивановский совет рабочих и солдатских депутатов указал на необходимость переизбрания Центрального исполнительного комитета. Большинство предприятий делегатов на демократическое совещание посылало с такими категорическими наказами: полный разрыв соглашательства с буржуазией; вся власть советам; немедленное и полное вооружение всего революционного пролетариата и крестьянства; немедленное освобождение всех арестованных большевиков; полное искоренение контрреволюционеров; немедленное закрытие всех буржуазных контрреволюционных газет и типографий и немедленное печатание пролетарских газет в широком размере; немедленная отмена смертной казни для солдат и применение ее лишь к корниловцам и т. п.

Владимирская губернская конференция большевиков, состоявшаяся 17-18 сентября, констатировала, что настроение рабочих всюду большевистское, большевизируется и крестьянство; отмечается значительный рост членов партии, возникают новые большевистские организации на предприятиях и в деревне. Советы почти все на стороне большевиков.

16 октября состоялся Съезд советов Владимирской губернии, где основным обсуждался вопрос о власти. Съезд единогласно постановил: «Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа; считать отныне все советы Владимирской губернии на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством и на основании этого установить по отношению к распоряжениям Временного правительства и его агентов на местах полную свободу действий советов, приступая немедленно к регулированию политической и хозяйственной жизни своей собственной властью, строго сообразуясь с интересами трудовых масс. Обратиться с призывом к советам крестьянских депутатов вступить на тот путь активной революционной борьбы с правительством народной измены, чтобы помочь рабочим и солдатам спасти страну и революцию, а также обратиться к товарищам матросам Балтийского флота с горячим приветом и заверением, что рабочие и солдаты Владимирской губернии не оставят их в героической борьбе за революцию». Ивановским советом аналогичная резолюция была принята еще до губернского съезда, а местные советы других городов и фабричных поселков, как например, Коврова, Александрова,

Собинки и проч., немедленно присоединились к постановлению губернского съезда.

Таким образом мы видим, что уже до Октябрьской революции фактическая власть находилась в руках значительной части советов Ивановской области.

Буржуазия, разоблачившая себя многочисленными контрреволюционными актами, и ее социал-помощники — меньшевики и эсеры не пользовались уже никаким политическим доверием со стороны рабочего класса и крестьянства. **В Октябрьские дни пролетариат, идущий под знаменем большевиков, окончательно сломил господство контрреволюционной буржуазии, убрал с дороги социалистической революции меньшевистско-эсеровские барьеры и установил свою диктатуру.**

VII. Октябрьские дни в области

Связь со столичными партийными центрами давала местным большевистским организациям области возможность еще до Октябрьских дней проводить необходимую практическую подготовку к взятию власти советами. Правда, в большинстве крупных пролетарских центров фактическая власть к советам перешла уже после корниловщины, тем не менее существовали органы Временного правительства, группируя вокруг себя буржуазию и другие контрреволюционные элементы, обезвредить которые представлялось весьма нелегкой задачей.

Ковровские железнодорожники уже с 10 октября начали готовиться к перевороту. Узнав о решении большевистского ЦК, ВРДК на каждую большую станцию назначил двух коммунистов в качестве станционных комиссаров. За несколько дней до Октябрьской революции Александровский совет привел в боевую готовность 197-й пехотный запасной полк, выдав солдатам 300 винтовок и боевые патроны. Фракция большевиков Ярославского совета настояла на организации ревкома накануне Октябрьской революции. В той или иной степени подготовка велась и в других промышленных городах области. Таким образом, местные организации, как говорится, были на-чеку и ждали сигнала из центра, чтобы практически осуществить установление диктатуры пролетариата, тем более, что революционные массы, рабочий класс, армия и основная часть крестьянства, как мы видели, были подготовлены к пролетарской революции.

Бурей аплодисментов и радостных возгласов встречено сообщение о свержении Временного правительства на заседании Иваново-вского совета ночью 25 октября. Тут же совет выделил временный революционный штаб, поручив ему охрану города. Штаб назначил охрану военным караулом телеграфа и телефона, а из числа членов Совета назначил туда дежурных для контроля. Ковровский ВРДК совместно с Советом и уездным комитетом большевиков взял в свои руки железнодорожное движение и телеграф; ставили на паровозы машинистов из числа преданных товарищей, перевозили красные войска, куда считали необходимым, а военные части, подозреваемые в сочувствии Временному правительству, задерживали. Железнодорожная Красная гвардия, организованная еще в августе, показала образец точности и аккуратности по выполнению

всех оперативных распоряжений ВРК, которому в Октябрьские дни была передана вся власть города и уезда.

Но если известие о свержении временного правительства советами таких городов, как Иваново, Ковров, Александров и др., где было абсолютное влияние большевиков, встречено, за немногими исключениями, единодушно, то в Костроме и Ярославле большевикам пришлось выдерживать ожесточенную борьбу с меньшевистско-эсеровскими депутатами. 26 октября Костромской совет созвал соединенное собрание демократических организаций: советов, полковых и ротных комитетов, центрального совета профсоюзов, правлений профсоюзов и других. Когда на заседании большинством голосов была принята резолюция о поддержке питерского пролетариата, представитель губернского Совета крестьянских депутатов высказался против такого постановления, а по адресу большевиков допускал демагогические выпады, говоря, что крестьяне не пойдут за большевиками, а рабочий класс, совершающий пролетарскую революцию,. стремится утеснить крестьян. Но присутствовавший на этом же заседании крестьянин Шунгенской волости, вместе с другими представителями Совета крестьянских депутатов, резко возражал эсеровскому оратору и высказывался за переход власти к советам На таком же заседании в Ярославле 27 октября по вопросу о власти предложено три резолюции: эсерами — протест против захвата власти советами; объединенцами и меньшевиками — предложение, где они считали переход власти к советам несвоевременным; большевиками — за немедленный переход власти к советам. Большинством 88 голосов против 46 принята большевистская резолюция. После этого фракции меньшевиков и эсеров заявили о снятии с себя ответственности за происходящее, а сами ушли из состава Совета.

Меньшевикам и эсерам в период Октябрьских дней ничего больше не оставалось делать. Эти протесты против революционных мероприятий были выражением их политического бессилия. Пролетариат, армия и крестьянство шли за большевиками, а не за социал-соглашателями, занявшими во время Октябрьской революции явно контрреволюционную позицию. Впоследствии меньшевики и эсеры не раз были организаторами контрреволюционных выступлений против советской власти. Яркий пример этого — Ярославский мятеж в 1918 году.

Пролетариат и солдаты Октябрьскую революцию встретили массовыми демонстрациями и митингами, на которых выносились резолюции, приветствующие переход власти к советам. Ковровские, ивановские, александровские и ярославские железнодорожники в ответ на телеграмму Викжеля с предложением готовиться к забастовке обещали полную поддержку Совету рабочих и солдатских депутатов, осуждая забаствоку, направленную против революции. Вот выдержка из резолюции александровских железнодорожников:

> «...Обсудив телеграмму ЦЖДК и Викжеля о забастовке, постановили противиться этому постановлению са-

мым решительным образом, так как оно идет в разрез с интересами трудовых масс. Также протестуем против задержки революционных войск, требуемых советами... и категорически настаиваем на полном прекращении подвоза контрреволюционных войск низложенного Временного правительства. Категорически заявляем о смене ЦК».

В Иванове, Коврове и Ярославле рабочие-железнодорожники вынесли более или менее аналогичные резолюции, требуя от Викжеля прямого ответа, с кем он идет — с рабочим классом, или с буржуазией.

На всех фабриках и заводах области выражена готовность всеми силами поддержать советское правительство. Рабочие Дербеневской мануфактуры в м. Камешках (Ковровского уезда) послали Совету народных комиссаров телеграмму, в которой выражают ему полное доверие и обещают в нужную минуту с оружием в руках встать на защиту революции. Рабочие Лемешенской фабрики Владимирского уезда постановили вооружить весь состав Совета рабочих депутатов и установили контроль над телефоном в квартире директора. Перехода власти в руки советов и земли в руки трудового крестьянства требуют рабочие ярославских свинцово-белильных заводов. На фабрике Ярославской большой мануфактуры по докладу большевиков о текущем моменте рабочие «считают, что благодаря соглашательской политике меньшевиков и эсеров, Временное правительство стало контрреволюционным, и естественным выходом из создавшегося положения является передача всей полноты власти в руки советов. Только советы способны разрешить вопросы революции: мира, земли, рабочего контроля, беспощадного обложения имущих классов».

За пролетариатом шли солдаты. Ивановский гарнизон заверил Совет в своей солидарности с рабочим классом. 202-й полк в Костроме 26 октября признал второй Всероссийский съезд советов правильно состоявшимся и выразил готовность оказать поддержку советской власти. После первых же известий о событиях в Петрограде, кинешемский гарнизон провел демонстрацию под лозунгом: «Вся власть советам». Понтонный батальон в Ярославле 31 октября вынес резолюцию о полной поддержке Военно-революционного комитета, и в этот же день солдаты избрали комиссаров рот. 210-й полк осудил демонстративный уход меньшевиков и эсеров из Совета. Полковое собрание требует немедленного проведения в жизнь революционных декретов и замены ушедших социал-соглашателей большевиками. Поддержку советам выражают нестроевая команда и другие воинские части, расквартированные в Ярославле.

Сочувственно Октябрьскую революцию встречает и деревня. Мы уже приводили пример, как крестьяне дали отпор эсеровскому оратору, выступавшему на Костромском демократическом совещании против взятия власти советами и с демагогическими выпадами по адресу большевиков. Настроение основных масс крестьянства было куда революционнее, чем думали эсеры, считавшие деревню

своей политической концессией. Собрание крестьян села Навашина Владимирской губ. 27 октября в принятой резолюции считает необходимым: 1) вести решительную, беспощадную борьбу с буржуазией, с корнем подавляя ее попытки посягательства на революцию; 2) переход всей власти в руки революционной демократии и 3) перемирие на всех фронтах. Волостной сход Оликовской волости Владимирского уезда 1 ноября протестует против призывов контрреволюционного губернского Совета крестьянских депутатов к противодействию рабочим и солдатам при свержении старого правительства. Крестьяне требуют роспуска губернского Совета крестьянских депутатов и призывают присоединиться к этому требованию все волости Владимирского уезда. Крестьяне села Нагорья Переславского уезда за распространение ложных слухов о том, что будто бы войска Временного правительства одержали победу над большевиками, арестовали и отправили в Переславль-Залесский попа Богоявленского и трех местных торговцев. В селе Парахине Гусевского района, при содействии местных крестьян, Великодворский ВРК задержал бывшего командующего МВО полковника Рябцова, который в дни Октябрьской революции руководил в Москве белогвардейскими отрядами.

Советская власть в деревне установилась позднее города, но это в конечном итоге зависело от того, как скоро город справлялся с контрреволюционными вылазками и укреплял власть советов у себя, а затем оказывал организаторскую помощь деревенской бедноте в борьбе против кулачества.

С первых же дней Октябрьской революции пролетариат встретил бешеное сопротивление различных контрреволюционных элементов. Правда, они в первые дни Октября, перед лицом единого фронта рабочих и солдат, были бессильны к активным действиям, но как бы там ни было, всячески тормозили переход власти к советам, обливая грязью большевиков.

Контрреволюционные силы на другой же день после Октябрьской революции сгруппировались вокруг неликвидированных еще органов Временного правительства, местного самоуправления и буржуазных органов печати. Немалую услугу контрреволюционной работе буржуазии оказывали меньшевики и эсеры. Благодаря меньшевистско-эсеровской агитации, ярославские печатники отказались выпускать какие бы то ни было воззвания большевиков и только после получения письма от костромских рабочих, в котором они обещали прислать своих товарищей для набора и печатания большевистской литературы, правление союза вынуждено было пойти на уступки военно-революционному комитету. Костромская буржуазная газета «Поволжский Вестник» в передовице от 27 октября считает телеграммы о событиях в Петрограде провокационными, а сами события анархией. На следующий день передовица этой же газеты лелеет надежду, что «преступная авантюра большевиков в конечном результате обречена на неудачу, разумеется на полный провал, как и всякая авантюра». А дальше контрреволюционный литератор пускается и в теоретические рассуждения, которым мог

бы позавидовать любой западно-европейский социал-реформист: «Государство — сложный организм, оно может жить и развиваться только в том случае, если все его рабочие органы (классы) гармонируют друг с другом».

Местная буржуазия Октябрьскую революцию считала большевистским восстанием. Такую оценку событиям дала Ярославская городская дума. На собрании костромских меньшевиков 29 октября тоже раздавались трагические речи против выступления большевиков. Вынесено постановление о принятии мер к тому, чтобы «изолировать большевистское (?) восстание от народных масс и обезвредить большевиков». В Чухломе исполнительный комитет общественной безопасности выносит постановление о борьбе с советской властью. Такие же постановления принимали Макарьевское, Кинешемское и другие уездные земские собрания. В Кинешме и Ярославле и ряде других городов области создаются местные контрреволюционные «комитеты спасения родины и революции». Почтово-телеграфные служащие в Иванове объявили стачку в знак протеста против контроля на телефоне и телеграфе. Забастовкой угрожали костромские и ярославские почтовики и чиновники, вынося постановления о признании только Временного правительства и об отказе выполнять распоряжения Совета.

Перечислить все факты и формы сопротивления контрреволюционных элементов нет возможности, факты очень многочисленны, а формы разнообразны. Бесспорно, что буржуазия повсеместно оказывала яростные сопротивления молодой советской власти, группируя вокруг себя и мелко-буржуазные слои, имеющие основания быть недовольными диктатурой пролетариата. Мы можем привести один только случай, когда Галичская городская дума молчаливо приняла «к сведению» постановление уездного Совета рабочих и солдатских депутатов о взятии власти в свои руки.

Разумеется, что в такой обстановке военно-революционным комитетам и советам приходилось действовать решительно и со всеми, не желающими подчиняться советской власти, разговаривать большевистским языком, применяя нередко вооруженную силу. Огромную и беззаветную помощь ВРК и советам оказывали рабочие фабрик и заводов. Уже в дни корниловщины на многих предприятиях создавалась Красная гвардия. В Октябрьские дни численность и боеспособность красногвардейских отрядов возросла в несколько раз. Рабочие-красногвардейцы по первому требованию отдавали себя в распоряжение ВРК и являлись надежной защитой советской власти на местах от разного рода контрреволюционных посягательств и саботажа.

Буквально под охраной красногвардейских штыков на местах приходилось проводить первые декреты о земле, рабочем контроле над производством и прочие революционные постановления Совета народных комиссаров. Кроме того, ряд фабрик области посылал в Октябрьские дни отряды Красной гвардии на помощь московским рабочим в борьбе с белогвардейцами. С Собинской фабрики послан отряд в 210 чел., с Карабановской — 57 чел., Владимирским

ВРК — 200 чел., ездили и ковровские красногвардейцы. Рабочие ивановских фабрик, как видно из воспоминаний т. Королева, буквально засыпали правление профсоюза текстильщиков просьбами и требованиями о посылке их на борьбу с московскими белогвардейцами.

В виду угрозы местной контрреволюции не все желающие рабочие Ивановской области имели возможность вступить в бой с белогвардейскими отрядами в Москве в Октябрьские дни, но зато очень скоро им пришлось бороться с калединщиной, а затем в 1918 — 20 годах вместе с пролетариями столиц биться с белогвардейцами и интервентами за существование диктатуры пролетариата.

Редактор *Д. Епанечников.*
Сдано в набор 13/X — 22/X — 1932 г.
Подписано к печати 1/XI — 1932 г.
Технический редактор *Ф. Сухов.*
Обллит № 2042. Тираж 8000 + 120. 4¼ п. л. 2⅛ бум. л. 62 × 89 см.
Плотность 96 000 п. зн. в 1 б. л. Партиздат № 46. П — 234. Заказ № 3980.

65 коп.

